Каравашкин А.В.

ИСТОРИОСОФИЯ И ПУТИ ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА*

> Ино ныне на то надеются, что пишут мудрыя философи и дохтуры о благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всея Русии, что он будет мудр и введет правду в свое царство.
>
> *Иван Пересветов.* Большая челобитная

Интерпретации произведений средневековой литературы, вся история их неоднократного прочтения часто образуют поверхностный, но в то же время мощный слой, который скрывает от исследователя смысловую первооснову источника. Возвращение к тексту, стремление прочитать его заново становятся определяющими и жизненно необходимыми для медиевистов.

Любой филолог, прежде чем предложить те или иные исследовательские выводы, вчитываясь в текст, постигая его смысловую глубину, может оказаться в ситуации непонимания. Эта ситуация получила название *герменевтической*, связанной с "кризисом доверия" к принятым путям истолкования текста[1]. Причинами "молчания" источника бывают как лингвистические трудности, случайная путаница, внесенная в текст, сознательная или бессознательная порча, искажение этого текста, в том числе пресловутая *ошибка писца*, так и культурная отдаленность современного читателя, неадекватно воспринимающего реалии прошлого, несовместимость с явленными в слове фактами *чужого* сознания. Непонимание в данном случае вполне закономерно. Именно оно служит сигналом скрытого от нас смысла, указывает на то, что нужно остановиться и начать поиск.

---

* В статье переработаны и дополнены материалы исследования, опубликованного автором в 1998 г. (Каравашкин А.В. Мифы Московской Руси // Россия XXI. № 11–12. С. 88–126).

Задача истолкователя состоит в том, чтобы преодолеть "дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель"[2]. Итак, стремление к "расшифровке" текста, создание условий, при которых она может быть успешной — препосылки самой последовательной, с филологической точки зрения, интерпретации.

Не только лингвисты, но и литературоведы оказываются здесь в роли истолкователей. Только литературоведческий смысловой комментарий будет распространяться на семиотическую область всей образной сруктуры произведения: речь идет о переходе с языка одних культурных знаковых систем на язык других.

Литературоведу важны не столько лингвистические факты как таковые, сколько ясное знание о тех формах выражения идейного содержания, которые касаются как жанровых закономерностей, так и особенностей образно-речевого строя произведения. В той или иной степени каждый литературовед выполняет задачу смыслового комментирования (однако не всегда сознательно и достаточно последовательно).

Приходится признать, что литературоведы, имея дело с источниками, часто действуют на основе первичных и принимаемых без доказательств схем. Причем речь идет не об аксиомах, простейших истинах, но о целых теориях, которые предшествуют непосредственному опыту общения с текстом. Такой "априоризм" становится обычно следствием воздействия вненаучных факторов, очень мощных по своей сути (идеологические установки, социальный заказ, убеждения и т.д.). В каком-то смысле каждый исследователь "обречен" на герменевтические ошибки, продиктованные домыслами и схемами, но в его силах избежать их там, где это возможно.

Полагаем, что литературоведение может базироваться на достаточно прочном основании, когда общим суждениям непосредственно предшествует работа комментатора.

В современной научной практике литературоведов-русистов комментарий как жанр исследования занимает видное место. Но далеко не всегда этот комментарий играет роль ключа к тексту. Подчас реально-исторические справки носят чисто информационный характер. И только тогда, возникает потребность в комплексном истолковании того или иного литературного памятника, создаются развернутые "монографические" комментарии. В наше время такие издания в основном ориентированы на школьного учителя, служат учебными материалами, имеют нередко характер энциклопедических подсобных изданий.

В медиевистической русистике комментарий, как правило, лишь сопровождает публикацию текста, образуя справочный "конвой"

произведения. В большинстве случаев подобные комментарии не могут удовлетворить того, кто пытается не только прочитать, но и понять текст, увидев за буквальным скрытый глубинный смысл. Вместе с тем нетрудно заметить, что древнерусский книжник ждал от своего читателя именно такого "смыслового" прочтения. Аллюзии, скрытые цитаты, реминисценции, заимствованные образы и символы, идейно-художественные приемы, в основе которых были устойчивые формулы, традиционные тропы и топосы — таковы средства передачи скрытого смысла, служившие древнерусскому книжнику.

Однако проблема герменевтики древнерусских литературных произведений состоит не только в том, чтобы выработать оптимальный путь извлечения необходимой информации, но и в том, чтобы прокомментировать произведение, раскрыв значение литературной формы, конкретных способов изображения исторических событий и лиц, разобраться в семантической наполненности многообразных словесно-стилистических элементов, уяснить характер работы древнерусского книжника с так называемым "чужим" текстом, то есть установить причины появления тех или иных перекличек с используемыми сочинениями предшественников, определить характер заимствований.

Вся совокупность отмеченных нами аспектов герменевтики имеет непосредственное отношение к литературоведению, является тем связующим звеном, которое позволяет логично объединить идейную и собственно литературную стороны научного анализа памятника словесности. По-прежнему остаются актуальными слова В.Н.Перетца: "Сводить историю литературы на историю идей — нельзя. Важнее знать, как та или иная идея трактуется в произведении"[3].

Этот путь в той области медиевистической русистики, которая занимается изучением литературной жизни, самим историко-литературным процессом русского средневековья, представляется нам сейчас наиболее целесообразным. Он позволяет уйти от абстрактных и подчас антиисторичных критериев эстетической оценки произведения, открывает перед исследователем древнерусских текстов новые перспективы. Ученый получает возможность руководствоваться не собственными соображениями и вкусом, а пытается осмыслить те или иные явления средневековой словесности с тех позиций, на которых стоял древнерусский книжник. На смену схематизму суждений, когда сохраняется опасность того, что та или иная "априорная" схема окажется доминирующей и вытеснит сам первоисточник, приходит утверждение самоценности авторского ви́дения. По существу, лучшие достижения отечественной и зарубежной медиевистической русистики всегда были ориентированы на такой подход. Задача состоит в том, чтобы сознательно воспользоваться лучшим, а там, где это необходимо, прибегнуть к беспристрастной критической переоценке работ предшественников.

Говоря о герменевтике, мы имеем в виду лишь попытку адекватного прочтения; здесь важна сама установка на то, что мы стремимся понять автора, увидеть мир Средневековья "изнутри", отразить его в категориях, более менее соответствующих тому времени ("мы не можем претендовать на точное понимание древних памятников, если не постараемся проникнуть в этот исчезнувший мир и всеми возможными средствами возродить миросозерцание их авторов")[4].

Исследователь, разумеется, не застрахован от ошибок, от возможной модернизации смысловой стороны текста. И все же современная медиевистическая русистика уже сделала шаг в сторону освоения широкого пространства интерпретации, открыла ту область, которая была если не запретной, то малодоступной. Об этом свидетельствует хотя бы то, что многочисленные работы, созданные за последнее десятилетие и затрагивающие в той или иной степени историю русской средневековой книжности, имеют ярко выраженную герменевтическую основу. Одновременно возрос интерес медиевистов к тому, что можно было бы назвать проблемой **новых трактовок**. Идейное содержание многих памятников древнерусской словесности, в том числе и публицистических, было переосмыслено, что в большинстве случаев позволило иначе взглянуть и на поэтическую сторону этих текстов, расширило наши представления о литературном мастерстве средневекового писателя.

В этой статье речь пойдет об историософии Ивана Пересветова, о способах выражения его писательской позиции. В настоящее время к интерпретации публицистики Пересветова обратился А.Л.Юрганов. Я в значительной мере разделяю его взгляды по многим методологическим вопросам. Однако сознательно устраняюсь от того, чтобы повторять теоретические выводы этого интересного исследователя русской средневековой культуры, и ограничиваюсь лишь тем, что предлагаю на суд читателей собственные наблюдения, которые, вероятно, будут небесполезными.

Одновременно эта работа служит своеобразным подступом к решению практически значимой и масштабной задачи по комментированию публицистических памятников XVI в. Здесь на первый план выступает смысловое прочтение источника, его интерпретация с учетом максимально полного историко-литературного контекста.

Конечно, я далек от мысли, что отвечу на все сложные вопросы и представлю Пересветова таким, *каков он есть*. Имеется в виду лишь попытка адекватного прочтения. На большее автор статьи не претендует.

* * *

Пересветов, несмотря на очевидную для Московской Руси уникальность его воззрений, продолжал ту линию средневековой историософии, которая была теснейшим образом связана с теориями про-

виденциалистского толка. Изображать его светским публицистом-антицерковником так же некорректно, как искать в недрах древнерусского сознания ростки "научного атеизма"[5]. Пресловутая "пересветовская" идея превосходства "правды" над "верой" оказалась тем обманчивым маяком, который уводил многих в область произвольных толкований и домыслов. Те исследователи, которые видели в Пересветове дворянского политического писателя, "человека сугубо светского"(?)[6], защитника интересов "воинников", утописта и реформатора, чаще всего сознательно игнорировали его религиозность. Акцент делался на общественно-политических воззрениях Пересветова, понятых достаточно абстрактно, без попытки пожертвовать априорными схемами. Так происходила целенаправленная модернизация идейного содержания сочинений Пересветова.

Важнейшей частью пересветовского учения являлась теория казней Божиих. Более того, нетрудно заметить, что каждый раз, когда Пересветов говорит о "правде", он неизменно напоминает своим читателям, что за беззаконные дела люди наказываются Богом уже при жизни. Вся пересветовская публицистика напомнинает человеку о его высоких обязанностях, чтобы по мере сил предотвратить "отмщение", следствием которого может стать гибель Московского государства. В центре внимания писателя оказывается судьба царств. Его интересует, почему погибла Византия, в чем смысл возвышения Московской Руси, какова конечная цель мировой истории.

Отношение к истории складывалось у Пересветова под воздействием тех широких общественных настроений, которые были реакцией на ферраро-флорентийскую унию 1439 г. и падение Константинополя в 1453 г. Мощным духовным ответом на эти события стали эсхатологические теории Московского царства. Они носили ярко выраженный религиозный характер и, взаимодействуя с официальными государственно-правовыми учениями, образовали сложную идеологическую концепцию, особый историософский миф Руси XV—XVI вв. Исторические воззрения Пересветова явились одной из "разновидностей" этого мифа. Они не были результатом отвлеченного умствования, но основывались на традиции, и только в границах этой традиции и могут быть поняты.

Общая характеристика публицистического сборника Ивана Пересветова

Прежде чем приступить к рассмотрению историософии Пересветова как системы представлений, попытаемся дать общую характеристику того публицистического сборника, который до сих пор остается единственным литературным памятником, позволяющим судить о взглядах этого писателя 40-х гг. XVI в.

Сам сборник сложился в XVII столетии, но у нас нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, будто его композиция и последовательность изложения не принадлежат эпохе Ивана Грозного. В то же время по ряду признаков (особенности речевого строя, реально-исторические отсылки, автобиографические моменты) можно с уверенностью говорить о том, что произведения, входящие в состав сборника, созданы одним автором в XVI в. и, несмотря на позднее редактирование, сохраняют признаки индивидуальной манеры[7].

О личности и судьбе Пересветова известно немного: эти сведения всегда черпались из ограниченного круга источников — так называемых Большой и Малой челобитных, а также из краткой заметки в описи Царского архива[8].

Оригинальным произведениям писателя предпослана "Повесть о взятии Царьграда турками". Это сочинение было известно на Руси как "Повесть" Нестора-Искандера. В переработанном виде она вошла в состав Полной редакции рассматриваемого публицистического сборника, о чем убедительно написал А.А.Зимин[9].

Изложение мировой истории у Пересветова начинается с эпохи царя Константина, основателя Царьграда[10].

В "Повести" Нестора-Искандера об этом государе говорится как о "богосодетельном", во времена которого "бысть радость великая повсюду християном". Царствование Константина — идеальная пора, время осуществления надежд, когда на твердом основании была воздвигнута могучая христианская держава. Радостный приподнятый тон первой главы "Повести" омрачает лишь смутное пророчество, знамение грядущей временной победы "бесерменства" над христианством. В небе над местом, где должен быть основан город, появился орел, напавший затем на змия. В жестокой схватке змий начал одолевать, и орел упал на землю. Змий был убит людьми, а пойманный орел спасен. Книжники и мудрецы объясняют Константину, что будущий город, согласно знамению, будет завоеван неверными, но впоследствии христиане "одолеют бесерменство" и воцарятся в освобожденной столице. Это событие обеспокоило Константина, но не помешало ему довести до конца дело жизни, сооружение Царьграда.

Антиподом Константина Великого выступает действующее лицо второй главы, греческий царь Константин Иванович (исторический Константин XI). Его царствование — пора исполнения горького пророчества. Отчаянно оборонявший Царьград от турок Константин погиб в неравной борьбе: "Константином град создася и паки Константином скончася..."[11].

Пересветов, как станет ясно затем, далек от того, чтобы идеализировать последнего византийского монарха. Одну из причин крушения христианского царства писатель видит в слабости и безволии

Константина XI, не сумевшего противостоять произволу своих вельмож.

Символическим актом лишения Божественного покровительства "за неправду" служит в "Повести" чудесное знамение: пламя, охватившее купол храма Св. Софии незадолго до взятия столицы турками, сошлось на небе "и бысть яко свет неизреченный" (с. 137). С этого момента Царьград становится безблагодатным городом.

"Повесть" завершается описанием пленения города, рассказом о гибели царя и о том, как Магмет-салтан (исторический Магомет II) воцарился в столице двух частей вселенной. Грандиозные события "греческого взятия" требуют объяснения, нравственной оценки, что и делает Пересветов в основной (оригинальной) части публицистического сборника.

В "Сказании о книгах" Пересветов говорит о том, как константинопольский патриарх Анастасий после разорения христианской столицы обратился с молитвой к Богу и услышал голос самого Христа, объяснившего, почему греки были так сурово наказаны. Дело в том, что они не выполняли заповедей Бога. Суть их прегрешений — в оскорблении святынь недостойным поведением и в неправосудии. Но Господь обнадежил христиан: "...лише есми выдал вас на поучение правды Моея неверным иноплемянником, а не навеки" (с. 149). Огненное знамя Св. Софии толкуется как справедливое возмездие. В то же время Христос говорит Анастасию: "А Яз им [туркам. — *А.К.*] Свою святыню не выдал на поругание..." (с. 149).

Значит, по Пересветову, турецкое владычество не только наказание, но и "поучение": христиане должны смириться, увидеть в происшедшем урок, который не прошел бы даром. В несчастье греков виноваты лицемеры — таков нравоучительный вывод "Сказания о книгах". Неблагополучие "мира сего" коренится в грехе, и горе людям, не желающим усилием воли оставить путь законопреступления. Особенно опасны заблуждения тех, кто считает себя спасенными, соблюдая обрядовую сторону веры лишь формально. Их дела ведут к погибели, они каждым проступком оскверняют святыни. Суровый приговор выносится и нечестивым судьям: "... суд был их лукав и слезен, слезы и кровь мира сего, рода христианскаго, неповинно осуждал и брызгали на образы Моя [Господа. — *А.К.*] святыя чюдотворныя от лукавых судей и неправеднагѡ суда их..." (с. 150).

Публицистическая повесть "Сказание о Магмете-салтане" — закономерный итог скорбных раздумий Пересветова. Несовершенное общественное устройство должно быть уничтожено: промыслительная воля дарует миру образец справедливого царствования.

Турецкий султан Магмет разрушил прежде богоспасаемый город. В "Большой челобитной" об этом завоевателе говорится как о нечестивом и безжалостном воине, происходящем от морского грабителя:

"... а отец его [Магмета-салтана.— *А.К.*] разбойник был на море и турскую землю осилел и засел, и грех ради наших Магмет-салтан, турской царь, *разбойнический род, осилел и* Царьград взял, и благовернаго царя Констянтина потребил, и красоту церковную обезчестил, и звон церковный поотнимал, и кресты с церквей поснимал, и образы чудотворные из церквей нечестно выносил, и в церквах Божиих мизгити [мечети.— *А.К.*] поделал на свои скверныя молитвы" (с. 178). Но он не только орудие Божьего гнева, но и тот, кто преподнесет христианам "поучение" правды. В "Сказании о Магмете-салтане" создается образ идеального монарха-правдолюбца, превосходящего христианских государей в справедливости. Султан, наконец, совершает то, что греческий царь Константин обязан был осуществить, невзирая на сопротивление вельмож: в государстве Магмета полный порядок. Здесь судьи боятся монаршего гнева, под страхом смерти чиновники не смеют нарушить закон. Любое преступление или небрежное исполнение обязанностей караются лютой смертью. По мысли Пересветова, только власть самодержца, способного любимого не пощадить, "нашед виноватого", может оградить подданных от неправосудия вельмож.

В "Первом предсказании философов" публицист сообщает о пророчествах неких латинян, "философов и дохтуров", прославляющих русского царя Ивана Васильевича: ему обещана великая будущность. Для того, чтобы предсказание стало явью, необходимо побороть всякую неправду. Только справедливым Бог дарует земное благополучие.

В скорбной "Малой челобитной" автор рассказывает о своей судьбе, о великих обидах, которые чинили ему бояре Московского царства. "Служил есми, государь, трем королем, а такия обиды ни в котором королевстве не видал", — пишет Пересветов, обращаясь к Ивану Грозному (с. 164)[12].

Во "Втором предсказании философов" речь идет о том, что "вечной правдой" христиане должны "утешить" Бога. После этого следует возвращение к легендарным событиям византийского прошлого.

В "Сказании о царе Константине" утверждается принципиальная несовместимость истинной веры с неправедным образом жизни. Задача повести в том, чтобы уберечь христианских государей от ошибок последнего греческого царя, обманутого своими приближенными. Бояре подделывают священные книги, внося туда поправки. С помощью этой лжи они добиваются того, что царь, поверив сочиненной ими заповеди, отказывается воевать с врагами, становится безразличным к защите христианства, а вельможи получают желанный покой и могут, не опасаясь царского гнева, пользоваться неправедно нажитыми богатствами.

В так называемой концовке повести о Магмете-салтане турецкий правитель выносит приговор сребролюбцам, которые обирают под-

данных и смеют часть награбленного раздавать в виде милостыни. Складывается впечатление, что излишества и чрезмерное материальное благосостояние Пересветов считает основным препятствием на пути построения справедливого царства: и царь, и его подданные должны жить скромно, зарабатывая на пропитание честным трудом.

Важнейшей итоговой частью сборника является "Большая челобитная", последнее обращение Пересветова к царю Ивану Грозному. Здесь есть ссылки на речи Петра "волоского воеводы" (исторический господарь Молдавии Петр IV Рареш).

"Большая челобитная" — своеобразная похвала Божественной "правде", которую писатель ставит, как может показаться, даже выше "веры". Следует отметить, что к этой теме он так или иначе обращается на протяжении почти всего сборника: "правда ввести царю во царство свое, ино любимаго своего не пощадити..." (с. 153); "в силе Божии и правда силнее всего" (с. 165); "держитеся правды в веки" (с. 169); "правду во царстве своем введешь" (с. 172); "коли правды нет, то и всего нет" (с. 176); "Бог не веру любит, — правду" (с. 181).

Выясняется, что власть и царства теряет тот, кто не сохранил Божественную "правду", а тот, кто сумел "ввести" ее в своем государстве, получает сторицей, может укрепить личную власть настолько, что приведет в подданство другие народы. Весьма недвусмысленно Пересветов раскрывает перед своим адресатом, Иваном IV, перспективу: либо уподобиться греческому царю Константину Ивановичу, погубившему свое царство, либо "ввести правду", как это сделал Магмет-салтан. Задача Грозного, по мысли Пересветова, в том, чтобы соединить "правду" с христианским благоверием и послушанием. Эта идея перекликается с мыслями русского писателя-монаха Ермолая-Еразма, который в 40-е гг. XVI столетия, в то же время, что и Пересветов, говорил об исключительной миссии московского царя: "Аще же убо верных царь в нынешнее время испытоваем, во всех языцех кроме русийскаго языка не вемы правоверствующа царя. Аще же убо верою прав есть, достоит ему неленостно снискати, разсмотряя, яже к благополучению всем сущим под ним, не едиными велможи еже о управлении пещись, но и до последних"[13].

Такова вкратце внешняя канва публицистического сборника Ивана Пересветова.

Историософия Ивана Пересветова

Разумеется, скептическое отношение к социологическим трактовкам произведений Пересветова не предполагает отрицания общественного идеала, так называемого "социального заряда" в его публицистике. Никто из здравомыслящих историков литературы не от-

кажет Пересветову в том, что он сам считал чрезвычайно важным. В сочинениях горячего поборника "правды" много горьких упреков в адрес тех, кто не заботится о благополучии земного царства, много советов, направленных на то, чтобы усовершенствовать человеческие отношения, сделать более справедливым и разумным весь строй государственной жизни. Бесспорно, Пересветов задавался теми вопросами, которые мучали его предшественников и оставались актуальными в дальнейшем. Но все эти планы никогда не рассматривались Пересветовым как сверхзадача историософского учения. Он видел перед собой более высокую и всеобъемлющую цель и был далек от того узкопрактического решения "социальных" проблем, которые ему так усиленно приписывали ученые-прагматики. Смысл и назначение пересветовского сборника могут быть поняты только в том случае, если мы обнаружим действительную основу авторского мировоззрения, попытаемся реконструировать систему взглядов писателя.

Главным ценностным ориентиром Пересветова мы считаем развитое представление о Божьем Промысле, руководящем судьбами мира, о Боге в Его отношениях с человеком.

Сам человек в публицистике Пересветова всегда оказывается в ситуации выбора. Он не безвольное существо, игрушка слепого исторического процесса, но тот, кто наделен способностью определять свое будущее.

Наказанные христиане всегда имеют возможность не только раскаяться в своих грехах, но делом подтвердить приверженность истинной вере. Для них открыт путь нравственного очищения от скверны. В "Сказании о книгах" Христос наставляет патриарха Анастасия и дает понять, что судьба людей и царств во власти тех, кто хочет измениться к лучшему. Патриарх должен выступить живым посредником между Богом и людьми, передать пастве истину Божественного откровения, сказать о том, при каких условиях греки могут заслужить прощение: "А ныне поучение Мое святое напишите да розошлите по общим Моим, по настоятелем общаго жития на молитвы верныя сердечныя, да братолюбъство бы было всегда промежу вас, да отставите козни и роптание от святыни мнишеския; и Яз буду всегда промежу вас, Христос Бог ваш, с миром" (с. 150–151).

Обращает на себя внимание трактовка апокрифа о так называемой "записи" Адама. Этот отрывок чаще всего приводится с целью доказать "еретичество" Пересветова, о чем свидетельствуют труды медиевистов советской поры. В апокрифическом фрагменте пересветовского сборника видели призыв публициста покончить с порабощением, то есть с похолопливанием людей, идейное совпадение с "рабьим" учением середины XVI в.: «Наряду с высказываниями Пересветова против порабощения и о всеобщем равенстве

людей в Сказании о Магмете, это место принадлежит к числу наиболее "еретических" высказываний Пересветова: несмотря на оговорку "истинная правда — Христос Бог наш"»[14]. Позднее эта концепция была в значительной мере откорректирована А.И.Клибановым, который на завершающем этапе своей научной деятельности отказался от некоторых положений историографии 50–60-х гг. Учитывая, возможно, справедливую критику итальянского медиевиста А.Данти, прозвучавшую в адрес современных ему советских толкователей Пересветова, А.И.Клибанов по-прежнему рассматривал литературу XVI в. с позиций становления в Древней Руси философской концепции "гуманизма"[15]. Как и ранее, в пересветовской трактовке апокрифа об Адаме А.И.Клибанов видел выражение "социальных идей" и отмечал, что публицист использует апокриф для "критики состояния порабощенности"[16].

Пересветов прибегает к апокрифу о "записи" ("рукописании") Адама как к своего рода развернутой картине грехопадения. Нетрудно заметить, что апокриф служит иллюстрацией мысли о вредном влиянии темных дьявольских сил, их роковом вмешательстве в ход человеческой истории. Последовательность событий, которые толкует Пересветов, следующая: Адам был изгнан из рая за то, что "заповедь Божию преступил", дьявол искусил человека и взял с него "запись". Это был договор, утверждавший несвободу человека, рабскую зависимость Адама от дьявола. Последствия ошибки Адама были столь велики, что если бы не Промысел Божий, то первый человек, а вместе с ним и весь род людской погубили бы себя "вовеки" (Адам "было вовеки погинул"). Господь смилостивился, "милосердие свое учинил волною страстию своею святою". Христос по Воскресении сошел во ад, освободил Адама и уничтожил "запись" ("запись изодрал"). До сих пор, как мы видим, речь не шла о рабстве, холопстве или долговых обязательствах, приводящих к кабальной зависимости. Пересветов имеет в виду несвободу от греха; от нее Бог избавил Адама, но только по воплощении Христа и после того, как Спаситель искупил грехи падшего человечества. Примечателен вывод Пересветова: "Един Бог над всем светом, то есть которыя записывают в работу вовеки, прелщают, и дияволу угождают, и которые прелщаются для светлыя ризы да вовеки записываются в работу, те оба погибают вовеки" (с. 181). Характерно сознательное нагнетание слова "вовеки": этот повтор должен был усиливать определенную идею, делать ее более отчетливой. Конечно, здесь говорится о вечной "работе", то есть вечном рабстве; оно остается неизбывным после смерти человека. Вряд ли холопство, кабала или плен, следствием которого могло стать порабощение человека, древнерусский автор считал вечными, да к тому же ведущими к погибели души. Текст не дает для таких заключений сколь-либо

надежного основания. Известно, что в древнерусской книжности бытовали сочетания "дьꙗволꙗ работа", "работати мамонѣ"[17]. Человек средневековой Руси знал, что можно оказаться в рабстве у темных сил, служить им. Скорее всего этот смысл и вкладывал Пересветов в свое толкование апокрифа, призывая людей быть рабами Божьими, а не рабами дьявола[18].

Слова публициста вызвали недоумение А.И.Клибанова: "Подчеркнутая универсальность дара свободы по отношению к следующему за этим выводу представляется неуместной: дар свободы отнесен к одной категории зависимости — холопству. Для ограниченной этим социальным контингентом свободы, пожалуй, неуместно было не только акцентировать внимание на универсальности ее дара, но и вообще привлекать апокриф об адамовом рукописании — он с трудом поддается обуженному прочтению"[19]. Следует, однако, обратить внимание на достаточную ясность той мысли, которую имел в виду Пересветов. В апокрифическом отрывке и комментариях к нему не говорится ни о холопстве, ни о какой-либо другой категории социальной зависимости, но в то же время — очень много о той активной силе, которая действует по наущению дьявола. Этот пассаж перекликается с другими местами сборника: "осетили царя Констянтина вражбами и уловили его великим лукавъством своим и козньми, дияволскими прелестьми мудрость его и щастие укротили..." (с. 152); "Тако брался диявол всеми неправдами з греки, не любячи веры християнския для того, что вера християнская Богу люба, всех вер лутчи, Бог ея любит, и диявол изборол всякою неправдою" (с. 177).

Главными слугами дьявола представлены вельможи царя Константина Ивановича: их отличительными чертами становятся не только жадность и жестокость, но лень, изворотливость, склонность к подлогу и лжи, неукротимая гордыня и фактически нераскаянный грех богоборчества. В "Большой челобитной", содержащей апокриф об Адаме, воевода Петр комментирует рассказ о грехопадении первого человека: "Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татба, разбой, обида, всему царству оскужение великое; всем Бога гневят, дияволу угождают" (с. 181). Эти слова характеризуют состояние царства Константина Ивановича, когда по вине его лукавых вельмож совершалось великое зло. Они не только подчинили себе царя и его подданных, но и "веру християнскую поработили". Так им удавалось служить дьяволу: "прелесники дияволскую волю творили" (с. 181). Под "работой" дьяволу публицист имеет в виду не простые грехи, а сознательное служение, вероотступничество, "ересь", ведущую к уничтожению всего христианского царства: "благовернаго царя ... осетили кудесы и вражбами уловили, и мудрость его воинскую отлучили, и богатырство его укротили, и меч царской воинской опустили и учинили его в безпутном житии"

(с. 181—182). С этим отрывком перекликается и "Первое предсказание философов", где говорится про "ловление со вражбами для ради укрочения воинства его [Константина.— *А.К.*]" (с. 162). Примечательна жалоба тех, кто стал жертвой лукавых бояр ("Сказание о царе Константине"): "Казны их не можем наполнити, как бы аду насытити" (с. 166). Здесь содержится прямая аналогия: "нечистое собрание" (в данном случае — неправедное обогащение) уподоблено аду, дьявольской твердыне. Историческими прообразами великого разорения царства Константина служат гибель фараона, пленившего евреев, и судьба самих израильтян, которые "угордели, и Бога забыли, и погинули в неволю и в разсеяние, нет им царства волнаго, и не познали Сына Божия Христа, Царя Небеснаго, сердце их окаменело з гордости" (с. 182).

Так, противоречия истории были поняты как извечная борьба двух сил: Бога и дьявола, света и тьмы. Не случайно Пересветов использует в своем сборнике традиционную символику, когда говорит о гибели царства Константина Ивановича: "греки тмы для да свет оставили" (с. 180). Противопоставляя "свет" и "тьму", публицист следовал установившемуся в христианской литературе топосу. Сама антиномия двух полярных символов могла быть позаимствована из различных источников, в первую очередь — из Священного Писания. Позднее, во второй половине XVI в., Грозный и Курбский, размышляя о борьбе доброго и злого начала в мировой истории, вспомнят пророка Исайю, противопоставлявшего два символа, "свет" и "тьму"[20]. В то же время Божественный свет — вот та богословская и эстетическая категория, о чем можно говорить с достаточной уверенностью, которую Пересветов делает одной из ведущих, рассуждая о Христовой правде (об этом далее).

Как видим, суждения о том, что в рассмотренном отрывке преобладают социальные мотивы, — дань определенной идейной концепции. Духовное содержание источника не было принято во внимание. В силу этого авторская позиция оставалась непроясненной.

Итак, Пересветов различает свободу от греха как свободу онтологическую ("Господь Бог милосердие свое учинил волною страстию своею святою и Адама извел изо ада" С. 181) и "самовласть" как дар свободы, как возможность выбора между добром и злом.

Об этическом аспекте "самовласти" Пересветов прямо не говорит, но его обращение к этой антропологической проблеме постоянно присутствует в **имплицитной** форме. Сама логика рассуждений Пересветова позволяет определить его отношение к "самовласти", идея свободного самоопределения личности имманентна рассматриваемым текстам. *Усвоенная публицистом теория "казней Божиих" неизбежно предполагает ответственность за дела, за то, что человек совершает вполне сознательно и свободно, независимо от какого бы то ни было принуждения.*

Таким образом, полную ответственность несет любой человек как совершенно свободный в момент выбора. Божественный замысел не противоречит самостоятельности действий каждого отдельного представителя земного царства, будь то государь или подданный. Не случайно в "Сказании о Магмете-салтане" идея воздаяния становится центральной. Ссылаясь на опыт сурового, но справедливого правителя неверных, воевода Петр вспомнит слова: "И от Бога написано, комуждо по делом его" (с. 174). Это высказывание имеет многочисленные параллели: дословные совпадения или близкие по смыслу обороты в текстах Священного Писания, в том числе в Откровении Иоанна Богослова (См.: Иер. 25, 14; Иер. 50, 29; ОС. 4, 9; 12, 2; Плач. 3, 64; Иез. 24, 14; ПС. 61, 13; Притч. 24, 12; Мф. 16, 27; 1 Петр. 1, 17; 2 Тим. 4, 14; От. 2, 23; 22, 12). Нарушители Божественных установлений будут строго наказаны не только при жизни, но и после смерти: на лукавых и злых Господь посылает "гнев неутолимый" (с. 165), а в загробном мире "им мука вечная готовится" (с. 153), они "погибают вовеки" (с. 181). Но для того, чтобы уберечь себя от наказания и при этом спасти свою душу, люди должны знать, каков путь неправды и в чем состоит "правда".

Эта сторона пересветовского учения вызывала большие разногласия среди исследователей. Многие из них настаивали на том, что Пересветов уклонился от традиционного ортодоксального пути, порвал с богословскими идеями восточнохристианского предания, занял активную реформационную позицию[21].

Если говорить о верности Пересветова преданию отцов Церкви, то здесь мы вряд ли располагаем достаточным материалом, чтобы делать какие бы то ни было окончательные выводы. Своеобразие самой формы, которую выбрал этот публицист для выражения своих взглядов, используя легендарные сюжеты и допуская "псевдоисторический" вымысел, предопределило свободное отношение к авторитетным источникам: о многом Пересветов не говорит, подразумевая, что его читатели знают священные тексты. Позиция Пересветова, воина и дворянина, который "служит" государю добрым советом, в определенном смысле освобождала его от обязанности быть книжником и нарочито свидетельствовать о том, что он "философ мудрый".

С другой стороны, если мы внимательно отнесемся ко всему, о чем толкует Пересветов, то логика его рассуждений не покажется нам столь далекой от традиций русской историософии и социальной этики XVI в.

Отступление греков-христиан от Евангелия, от "правды", от самого Христа, несправедливость и жестокость вельмож, по Пересветову (о чем мы уже говорили), стали причинами Божьего гнева: своими грехами неверные греки нарушили равновесие земного царства и одновременно отдали на поругание свою веру. В этом

контексте слова "Бог не веру любит — правду" приобретают особый смысл.

В некотором роде "правда" для Пересветова **первична**, она является предпосылкой истинной "веры". "Правду" надо понимать в данном случае не как "идею соразмерности наград и наказаний"[22], не как синоним "общественных преобразований", политических реформ, что к тому же некорректно по отношению реальностям и специфической идеологии Московской Руси (люди XVI в. не знали, да и не могли знать самих слов "политика" и "реформы"), а как совокупность Божьих заповедей, как норму жизни, имеющей единственный Божественный источник: "Истинная правда — Христос Бог наш <...> да оставил нам Еуангелие правду, любячи веру християнскую надо всеми верами, указал путь Царства Небеснаго во Еуангелии" (с. 181).

Очень часто противопоставление "веры" и "правды" считается сутью, сердцевиной пересветовской этики. Эта точка зрения стала общепринятой и часто воспроизводится в научных работах как аксиома. Так, например, А.Ф.Замалеев пишет: "Для Пересветова характерен гуманистический взгляд на религию. Не отвергая "веры христианской", он в то же время выступал против церковного провиденциализма. "Бог любит правду лутчи всего", — заявлял книжник. Следовательно, истинная вера — это "правда", и бог [так у автора. — А.К.] "помогает" только тем, кто стремится ввести ее в жизнь. Идя по этому пути признания первенства "правды" над верой, Пересветов доходил до крайних границ отрицания веры"[23].

Существо оппозиции "вера" — "правда" требует всестороннего изучения; обстоятельное исследование посвятил этому вопросу А.Л.Юрганов[24]. Содержание историософской концепции Пересветова может быть понято только в том случае, если мы достаточно последовательно раскроем смысл этой оппозиции. Здесь важен конкретно-исторический подход.

Только внешне "правда" Пересветова не предполагает **правоверия**: если "вера" недостаточна без "правды", то, как это может показаться, последняя вполне обходится без "веры". Так это и представляется с точки зрения секулярного сознания. На чем, собственно, и строит свои предположения Я.С. Лурье: "Настаивая на том, что прославляемая им "правда" стоит "веры" и заслуживает почитания и с религиозной точки зрения, Пересветов, однако, нигде не придает этой формуле обратной силы: "правда" и без "веры" (у Магмета-салтана) угодна богу [так у автора.— *А.К.*], но "вера" без "правды" ведет (в случае с Византией) лишь к гибели"[25].

Это — упрощенная постановка вопроса. Дело в том, что торжество "правды" в государстве Магмета-салтана, по Пересветову, лишь промежуточный этап, за которым должно последовать воссоединение "правды" и "веры". Иными словами, их разделение, разоб-

щенность — конфликт исторической драмы, разрешение которой — дело будущего. Только "правда" предполагает действенную "веру", а "вера", в свою очередь, требует "правды". Таков пересветовский идеал, чему можно найти много прямых доказательств[26].

Начнем с того, что в "Сказании о книгах" Пересветов довольно отчетливо дал понять, в чем заключается временный характер власти безбожных турок, почему их господство над греками не может быть постоянным. Об этом сказано в обращении Господа к патриарху Анастасию: "...лише есми выдал вас на поучение правды моея неверным иноплемянником, а не навеки. Да будет Мое святое милосердие к вам во умножение веры християнъския!" (с. 149).

В "Сказании о книгах" Магмет представлен немилостивым правителем, готовым искоренить христианство. Путь обретения "правды" начинается для него с уроков истинной "веры". Без общения с патриархом, без тех наставлений, которые безусловно не расходятся с православной моралью, для него совершенно невозможно обрести подлинные мудрость и знания.

В то же время Магмет-салтан лишен возможности обращаться к Богу, лишен высшего покровительства. Господь только "попустил" его власть, все-таки весьма ограниченную, над христианством. На это обратил внимание А.И.Клибанов: "Любопытно, Бог не снизошел до того, чтобы беседовать с Магмет-султаном на одних основаниях с патриархом — "небесным голосом". Он сновидением приходит к султану, да так, что "напустил на него трясение про книги християнския"[27].

Пересветов вполне определенно подчеркивает недостаточность турецкой "правды", когда пишет о враждебном отношении "сеитов" к христианству: «Естьли бы ту веру любил Господь, — говорят они султану, — и Он бы тебе ея не выдал" (с. 151). "Правда" Магмета угодна Богу потому, что она взята с "христианских книг", а сам султан "до скончания веку своего Бога в сердцы держал, и веры християнъския из мысли не выпустил» (с. 151). Перед этим Пересветов сообщает, что Магмет-салтан был готов принять христианство. В "Большой челобитной" воевода Петр искренне сожалеет о том, что "правда" Магмета-салтана недостаточна и угодна Богу лишь как поучение для христиан: "Турской царь Магмет-салтан великую правду во царство свое ввел, иноплемянник, да сердечную радость воздал Богу; да естьли бы к той правде да вера християнская, ино бы с ними аггели беседовали" (с. 182). Отмеченные эпизоды чрезвычайно важны для понимания пересветовского мировоззрения.

Не следует забывать и о том, что Магмет-салтан, несмотря на явные похвалы в адрес христианского вероучения (а заповеди богодухновенных книг он не только чтит, но и старательно исполняет), остается все-таки притеснителем православных славян и греков. Его справедливость распространяется на тех, кто не живет в согласии с

истинной верой. В "Большой челобитной", где мы находим открытое осуждение Магмета-салтана, эта мысль становится ключевой и неизбежно приводит к утверждению спасительной миссии русского царя. Состояние подчиненных туркам народов характеризуется как позорное рабство, на них турецкая "правда" не распространяется. Таким образом, исполнение закона неверных состоит в том, что нормы христианских книг применяются избирательно. "Правда" Магмета — суровое наказание для христиан, которые, искупая грехи, не могут возвысить голоса в собственную защиту: "Тако рек Петр волоский воевод: "Ленилися греки за християнскую веру крепко стояти против неверных, и они ныне неволею бусорманскую веру боронят от находу. Царь турской у греков и у сербов дети отнимает на седмой год на воинскую науку и во свою веру ставит их, они же, з детми своими разставаючися, великим плачем плачют, да никто же себе не пособит" (с. 170–171).

Исследователи творчества Пересветова практически не обращали внимания и на то, что автор "Большой челобитной" порицает Магмета-салтана как противника "красоты церковной" (высказывание на этот счет есть только у В.В.Бычкова, изучающего эстетические представления Древней Руси)[28]. Сфера прекрасного не включена в систему ценностей царства Магмета, для турецких порядков она остается чуждой. Все, что так или иначе относится к справедливости султана, изображено или по-деловому, или крайне натуралистично, на границе с полным антиэстетизмом. И в этом смысле "правда" Магмета не ведет к постижению того, что открывается в пределах истинной "веры". Иноверный правитель только понимает, что не может уклониться от заповедей Христа, от его "правды". Но красота последней, ее совершенство и величие остаются скрытыми для Магмета. Монолог, представляющий собой своеобразный гимн "правде", Пересветов вложил в уста правоверного воеводы Петра. Это, пожалуй, единственный пассаж, который свидетельствует не только о религиозном, но и собственно эстетическом понимании "правды" у Пересветова. "Правда" — это свет, она распространяется на весь мир, достигая неба и пространств земной тверди, сияние ее проникает даже в "преисподняя глубины" и остается там "многочисленное светлее солнца" (с. 176). Этой красоте поклоняется вся тварь, потому что речь идет о Божественном свете, о благом и прекрасном Христе ("правда Богу сердечная радость и вере красота" (с. 161)).

"Правда" Пересветова представляет собой высшую Справедливость, полное выражение Божественной истины, которая дана в заповедях и нормах жизни, предназначенных для практической реализации (грешно присваивать чужую собственность, богатеть на несчастьях ближнего, лицемерить, уклоняться от исполнения священнических и монарших обязанностей и т.д.). Говоря о "вере", публи-

цист имеет в виду как конфессиональную принадлежность, так и догматическую, обрядовую сторону православия. Царство "правды" ограничено законом человеческих дел, лишенное веры — оно остается невоцерковленным (поэтому "правда" Магмета не достигает идеальной высоты, оказывается частным и несовершенным применением Божественных заповедей; это — пример сущего, но не должного).

Итак, нельзя сомневаться в том, что образцовый порядок султана интересен Пересветову только как частное воплощение "правды", как порядок, требующий преодоления. Пересветов идет по пути "отрицания отрицания", когда предлагает жить в согласии с "правдой", сохраняя "веру". Одновременно он понимает, что следование форме, а не сути, приводит к профанации христианских ценностей, становится непреодолимым препятствием на пути к спасению души. Поэтому публицист скорбит о "неправде" в Московском царстве, где есть вера, но люди не живут в согласии с Божественной Справедливостью: "И говорит Петр волоский воевода: "Таковое царство великое, и силное, и славное и всем богатое царство Московское, есть ли в том царстве правда?". Ино у него служит москвитин Васка Мерцалов, и он того воспрошал: "Ты гораздо знаешь про то царство Московское, скажи ми подлинно!". И он стал сказывати Петру волоскому воеводе: "Вера, государь, християнская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет". И к тому Петр, волоский воевода, заплакал и рек тако: "Коли правды нет, то и всего нет". <...> Тако брался диявол всеми неправдами з греки, не любячи веры християнския для того, что вера християнская Богу люба, всех вер лутчи, Бог ея любит, и диявол изборол всякою неправдою" (с. 176–177).

Говоря о необходимости защищать "веру", способствовать тому, чтобы она утверждалась в дальнейшем, Пересветов, разумеется, не доходил "до крайних границ" ее умаления, но, напротив, призывал беречь ее. "Ересь" греков он видит, однако, не в союзе с латинянами, но в нравственном падении тех, кто не захотел жить по заповедям Христа, в чем существенно перекликался с Зиновием Отенским, отмечавшим, что "грецы христианское велие имуще имя, дел же христианских не снабдеша и судьбы Христовы не оправдиша, суда бо не взыскаша и праведна суда не судиша ..."29. Кощунственное поведение бояр царя Константина Ивановича, когда они портили священные книги и сочиняли подложную заповедь, как недвусмысленно дает понять Пересветов, — в первую очередь, преступление против "веры".

Знаменательна итоговая часть "Сказания о Магмете-салтане". Здесь мысль о необходимости симфонии "правды" и "веры" выражена с предельной отчетливостью: "И латыняня рече против им (греков — А.К.) на споре: "То есть правда. Ино лучилося нам быти в том царстве (на Руси — А.К.) на отведывание веры християн-

ския <...> Естьли к той истинной вере християнской да правда турская, ино бы с ними аггели беседовали". Греки же рекоша: "А естьли бы к той правде турской да вера християнская, ино бы с ними аггели же беседовали" (с. 161).

Идеал Пересветова не принадлежит ни прошлому, ни настоящему, он — в будущем. Смысл и оправдание истории человечества публицист видит в создании земного царства, достойного ангелов, царства великой справедливости.

Кто же может преодолеть рознь "мира сего", восполнить нарушенную целостность общественного бытия? По мысли Пересветова, такой мессианской фигурой мировой истории должен явиться только православный царь.

Магмет-салтан, "философ мудрый", который стал таковым, проникнувшись уважением к "христианским книгам" и заповедям Христа "от молитв святых Анастасиевых" (с. 151), говорит "в тайне себе", то есть скрывая заветные мысли от "сеитов" и прочих врагов истинной веры, о великом назначении царя: "Таковому было быти християнскому царю, всеми правдами Богу сердечную радость воздати и за веру християнскую крепко стояти" (с. 160).

Так, иноверный правитель постепенно проникается сознанием того, что Божественная справедливость-"правда" неизбежно приводит к "вере", а от "веры" — к постижению высокого назначения Богом дарованной, а не "попущенной" власти. Это становится возможным только потому, что " "правда", по Пересветову, все-таки обязательно богоугодна"[30].

Магмет-салтан, необычный герой древнерусской литературы, постигает ту логику Божественного замысла о человеческой истории, которая открывается через опыт "христианских книг" и присутствует в феноменологии исторического процесса. Обращаясь к патриарху Анастасию, он заявляет: "И ты (патриарх — *А.К.*) возми книги своя да исправляй дела свои, что ваш Христос вам приказал да и обо мне помолися. Естьли бы мне того царства не выдал Бог, и мне бы мочно ли о том умудрити, естьли бы на то Божия воля не была? Все то есми Божиею волею делал" (с. 148).

Примечательно, что сам Магмет-салтан, оказавшись в ситуации выбора между неполной ограниченной "правдой" и возможностью осуществления великой мечты соединения "правды" и "веры", стал жертвой противоречия и отступил, признал свое бессилие, подчинившись мнению вельмож (с. 151).

Но именно устами султана-"философа" Пересветов раскрывает учение о царе как образе Бога.

В связи с этим особую важность приобретает идеальная модель отношений государя и его подданных в царстве Магмета-салтана ("Сказание о Магмете-салтане"). Этому вопросу посвящено много высказываний: медиевисты, историки русской общественно-

политической мысли и философы пытались обнаружить в "Сказании о Магмете" целую программу преобразований, предложенных Ивану Грозному. Главным выводом советской историографии стало утверждение, согласно которому Магмет-салтан освобождает людей от неволи, ограничивает срок "рабства" такой категории зависимых людей, как "полоняники", и вообще не любит холопства[31]. Казалось бы, сам текст давал для таких рассуждений обильную пищу. Действительно, Магмет-салтан провозглашает равенство людей перед Богом, говорит о том, что все люди — потомки Адама, осуждает египетского фараона, который, в соответствии с ветхозаветным рассказом, держал в неволе евреев и был за то наказан Богом. Однако к отдельным замечаниям Пересветова мало прислушивались те, кто хотел увидеть его проповедником социального раскрепощения, "сугубо светским" правдоискателем, пытавшимся пересмотреть даже характер человеческих отношений в Московском царстве.

Во-первых, слова Магмета-салтана ("Братия, все есмя дети Адамовы; кто у меня верно служит и стоит люто против недруга, и тот у меня лучшей будет" — с. 159) нельзя рассматривать как призыв к уравниванию людей с точки зрения их места в обществе. Так, например, Зиновий Отенский тоже говорил о равенстве рабов Божиих — потомков Адама[32].

Во-вторых, Пересветов был далек от того, чтобы предлагать Грозному полную отмену холопства в ту эпоху, когда знатнейшие люди называли себя "холопами государя", что постепенно становилось даже своеобразной привилегией и самоназванием высшего сословия[33]. Не избежал формы "холопского" обращения и сам Пересветов ("А меня, холопа твоего, Ивашка Семенова сына Пересветова <...> Как тобе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?" — с. 184). И это не гипербола, не простая этикетная формула, а живое и вполне конкретное убеждение.

В "Сказании о Магмете-салтане", скорее всего, речь идет у Пересветова о такой ситуации, когда любой человек получает защиту от произвола вельмож, когда все подданные равны перед лицом государя в своей ответственности за исполнение вмененных им обязанностей и при этом полностью зависят от монарха. Благополучие и жизнь "холопа" — целиком в распоряжении царя, единственного хозяина над всеми, кто населяет его владения. Иллюстрацией этих воззрений и становятся многочисленные примеры из "Сказания о Магмете-салтане". Турецкий владыка ведет себя в государстве, как в личной вотчине, от него не может не зависеть ни одна живая душа. Тех самых "воинников", которых Магмет-салтан освобождает от неволи, не спрашивая, видимо, их согласия, он сам делает своими "рабами", именно рабами, поскольку в его власти пожаловать их и в то же время убить. Здесь над Магметом-салтаном, кроме Бога, нет другого судьи: "То царь рек войску своему на возращение сердца,

чтобы и кажной впредь собе чести добывал и имяни славнаго. Царь говорит и жалованием своим жалует и грозою всею: "Кто не хощет умрети доброю смертию, играючи с недругом смертною игрою, ино он умрет же от моея опалы царския смертною казнию, да нечестно ему будет и детем его" (с. 159).

Следует, однако, сделать существенную оговорку: всевластие Магмета, по Пересветову,— величайшее благо для подданных; погибнуть на плахе без вины его "раб" не может, что, кстати, принципиально отличает султана от изверга Дракулы, героя знаменитой повести конца XV в. (Дракула способен на справедливые поступки, но одновременно он проявляет патологическую жестокость и грозит людям бессмысленными расправами). Справедливость Магмета запечатлелась в мудром законодательстве. Казалось бы, суд по "правде" гарантирован каждому.

В то же время здесь заявляет о себе представление, согласно которому любой подданный может стать объектом царской немилости, "опалы". Возможность наказывать провинившихся по своему усмотрению было неотъемлемым правом единовластного правителя в ту эпоху, когда "появление государя на троне автоматически превращало в холопов всех, кто титуловал великого князя государем"[34].

Итак, в речах Магмета-салтана выражена мысль о равенстве людей перед лицом Бога: "Един Бог над нами а мы рабы его" (с. 157), но это равенство ведет к подчинению рабов Божиих государю, образу Царя Небесного на земле.

Для осуществления Божественной правды необходимо, чтобы царь поступал со своими подданными, как Бог поступает с людьми. Суд царя приравнивается по своей справедливости и абсолютной беспристрастности суду Господа. В свою очередь, нарушители присяги, "крестного целования", изменяют не только царю земному, но и Богу: греки в "крестном целовании греха себе не ставили, во всем Бога прогневали" (с. 153). На головы грешников обрушивается самое суровое прижизненное наказание. Такая же участь ожидает тех, кто обманывает государя в царстве Магмета-салтана. Но на этот раз именно единовластный правитель выступает гарантом Божественной справедливости-"правды".

Миссия царя состоит не только в устроении дел земных. Государь способствует спасению душ, врачует духовные недуги. О будущем Ивана Грозного как единственного православного царя говорится: "на покаяние приведешь грешных" (с. 172).

Служить царю самозабвенно, вплоть до исключительного самоотречения и мученичества — значит сохранить свою душу, оберегая веру. Об этом Пересветов напоминает неоднократно. Так, например, прославляя христианство, Магмет-салтан отмечает подвиг мучеников-воинов: "Нет таковы веры великия у Бога, яко вера християнская: где пойдет неверных к вере приводити и веры християнской

умножати, ино где войско его побьют, ино тамо Божия воля сталася, и то есть мученики Божия последняя, яко же пострадали за веру християнскую, яко первыя, — души их к Богу в руки; небесныя высоты наполняются таковыми чистыми воинники, аггелом равны и украшенны от Бога златыми венцы" (с. 160).

Подданные должны бояться Бога и одновременно "помнить заповедь цареву" (с. 157, 192). Так в "Сказании о Магмете-салтане" постоянно сравниваются царь земной и Царь Небесный.

Одно из отличительных свойств царя, имеющих отношение к его богоподобию, — великая "царская гроза"[35]. "Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго: как конь под царем без узды, так царство без грозы" (с. 189).

"Гроза" очищает царство от пороков, наказывает преступников. Укрыться от нее невозможно. Это убеждение было продиктовано тем, что благочестивый царь выполняет волю Божью.

Обличая "кротость" (пагубное безволие) греческого василевса Константина Ивановича, Пересветов противопоставляет ее "грозе" Магмета-салтана. Но при этом не следует полагать, будто бы публицист осуждает любую кротость как христианскую добродетель. Напротив, подлинные кротость и смирение публицист не считает лишними. По Пересветову, именно гордыня способствует отчуждению человека от "правды", она, наряду со стяжанием и немилосердием вельмож, губит царства. Ссылаясь на легендарные речи представителей "латынской веры", он провозглашает: "Видите, как Господь Бог гордым противляется, за неправду гневается, а правда Богу сердечная радость и вере красота" (с. 161). Это весьма примечательное высказывание: одна из важнейших "формул" пересветовского учения содержит реминисценцию из апостольских посланий ("Бог гордым противится, а смиренным дает благодать" — Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5). Следует отметить, что так называемый Сокращенный извод сборника Пересветова включает переделку "Повести о Царьграде", в которой дьявольские "гордость", "лукавство", "неправда", "ненависть" и "зависть" оказываются в одном ряду и противопоставлены христианским "храбрости", "правде" и "другоюбъству сердечному" (с. 185).

Царская "гроза" не служит возвышению и гордыне нового "фараона", она справедлива настолько, насколько велика и спасительна Божественная "правда". Поэтому царь не подавляет "грозой", но учит. Он должен покорить тех, кто выполняет дьявольскую волю.

Исторической задачей царя признана его роль в деле расширения христианства, не только его защиты. Накануне казанского похода, приведшего к присоединению ханства, издавна враждовавшего с Русью, эта мысль становилась очень злободневной. Так, в "Первом предсказании философов" Пересветов задался целью определить, в

чем состоит всемирно-историческая миссия Московского царства, почему фигура царя Ивана принадлежит будущему. Если царю удастся с помощью Божьей победить врагов, действующих по наущению дьявольских сил, "Бог милостию своею сохранит и помилует и не выдаст его [Ивана — *А.К.*] на охулу, и найдет на него великая мудрость, и обличит Бог пред ним все враги его" (с. 162). Враги будут каяться и смиряться. А царь исполнит последнюю часть пророческого знамения: орел христианства восторжествует окончательно.

Об этом в "Большой челобитной" рассуждает воевода Петр. Попутно отметим, что принцип введения в публицистический текст героев-"резонеров", каждый из которых произносит речь с изложением своих взглядов, не свидетельствует о каком-то особом "полифонизме" произведений Пересветова, но помогает развитию авторской мысли, обеспечивает ее предельную выраженность, служит актуализации различных аспектов одной и той же темы. Таким образом, публицистика Пересветова вполне монологична и практически не преследует целей размышления-диалога. Кроме того, публицист-"челобитчик" хочет не озадачить, а вдохновить своего адресата. Для этого ему нужны необычные авторитеты, иноземцы, до которых дошла весть о славе и могуществе русского самодержца (прием, известный в древнерусской литературе)[36].

Итак, воевода Петр пророчествует, обращаясь к царю Ивану Грозному. Выясняется, что московский государь — последняя надежда всех православных христиан. Ему суждено завоевать многие царства и освободить православных от турецкого ига: "Тем ся царством руским ныне хвалит вся греческая вера, надеются от Бога великаго милосердия и помощи Божия свободити руским царем от насильства турскаго царя иноплеменника" (с. 176). Царство царств, выросшее на основе многих завоеваний, новая империя, "восточное" государство, способное стать оплотом истинной веры, покончит с порабощением христиан неверными, притеснением слабых, станет утверждать Божественную справедливость на земле.

Все эти пророчества сбудутся при одном условии: Иван Грозный должен полюбить "правду", потому что она и есть Христос, "сияет на все небесныя высоты и на земныя широты и на преисподняя глубины многочисленное светлее солнца" (с. 176).

При этом Грозному необходимо усвоить уроки "греческого взятия" и "не пощадити себя ни в чем" (с. 170), то есть посмотреть в лицо действительности, отвергнув всякую самоуспокоенность. Воевода Петр говорит о том, что "греческое взятие" и есть "устав" царской жизни (там же). Что здесь имеется в виду? Прежде всего — предупреждающее и назидательное значение "Повести о взятии Царьграда"[37], но той ее версии, которую предложил сам Пересветов.

Царь Константин Иванович потерял жизнь не только по вине предателей, не только по вине тех, кто хотел искоренить христианство, включая "безбожного" Магмета, но и потому, что в начале утратил власть и не сумел побороть лукавых бояр, препоручив им управление государством; царь с детства привык к тому, что они обладали державой.

Вся история Константина срисована с русской действительности: "От своего отца, благовернаго царя Ивана, Констянтина града, остался млад царствовати, трех лет от порожения отца своего в Констянтине-граде [ср.: Василий III скончался, когда Ивану, будущему царю, было три года — *А.К.*], и на всем царстве греческаго закону християнския веры. И велможи его до возрасту царева царство его обладали и измытарили, и бедами сцепили, неправыми суды, и особную брань во царстве том учинили..." (с. 165—166). Пересветов был хорошо осведомлен об обстоятельствах, сопровождавших правление Ивана IV. В годы его малолетства вся верховная власть оказалась в руках морально нечистоплотных людей. Жалобами на боярский произвол проникнута русская публицистика первой половины — середины XVI века.

В то же время известно, что Константин XI, сын Елены Драгаш и Мануила II, вступил на византийский престол уже зрелым человеком (в 1449 г., когда он был провозглашен императором, ему было 44 года). Вся его деятельность была обусловлена традиционной культурной и политической ориентацией Палеологов, которые стремились защитить последние рубежи некогда великой империи, уповая на помощь с Запада. Приговор Константину XI был подписан задолго до того, как он стал императором.

Проблемы Византии эпохи Палеологов мало волновали Пересветова. Он создает свою историю как миф, в полной мере отвечающий духовным запросам человека Московского государства и соответствующий реалиям русской общественной жизни.

Рассуждая о будущем Руси, Пересветов не забывает напомнить о том, что только преодоление безволия, четкая программа внутренней и внешней борьбы спасет земную власть и сделает ее залогом процветания царства.

Публицист видит некоторую последовательность в будущих действиях православного государя: сначала царь устанавливает "правду" в Московской Руси, затем распространяет этот порядок в борьбе с "бесерменством" и расширяет, таким образом, пределы христианской веры, приводя в подданство новые народы.

Великая православная держава станет еще могущественнее, если не забудет Бога. Жить без "правды" — угождать дьяволу. Если Московское царство уклонится от исполнения Божьих заповедей, то ему не миновать судьбы второго Рима. Круг замкнулся.

В публицистическом сборнике Пересветова смысл истории был понят как "синергия", совпадение двух волений, земного и небесного. Итак, по Пересветову, следуя за непреложным законом "правды", христианское человечество выбирает путь духовного совершенствования, **послушание "правды"**. Земное благополучие царства — лишь видимый знак, позволяющий судить о том, что выбор людей был правильным. Пересветов указывает на путь исторически активного преобразования мира, которое могло бы объединить православные народы под эгидой русской царя. Итогом должно стать создание универсальной общности, реального воплощения мечты о гармоничном соединении "правды" и "веры". Отчасти это понимание смысла мировой истории было родственно эсхатолого-, хилиастическим теориям, нашедшим свое выражение в апокрифической литературе[38].

Пересветовская модель земного царства не самодостаточна, она не сводится к попечению о делах сиюминутных и тленных, но представляет собой направление, позволяющее следовать по пути Христа, форму, соответствующую идее спасения народов в лоне одной веры.

О "профетизме" и вариативности истории у Пересветова

Герои Пересветова действуют в атмосфере пророчеств, предсказаний, предвидений. Все, что случилось с Византией, было в той или иной мере предрешено: уже при основании города известна участь христианского царства, затем знамение Св.Софии предвещает падение Царьграда, латинские "философы и дохтуры" предсказывают судьбу Московского царства.

Может сложиться впечатление, что Пересветов обращается здесь к особому пониманию исторического времени[39], характерному для средневековой агиографии. Известно, что многим византийским и древнерусским житиям было присуще так называемое апокалиптическое восприятие событий (апокалипсис и есть откровение, данное как пророчество). Все, что случится со святым, было в самых общих чертах известно вскоре после его рождения (или даже до рождения), в детстве и юности святой также мог получить множество доказательств в пользу того, что избран Богом. Подобное понимание логики развития событий отвечало представлениям человека Средневековья о том, как может осуществляться полное слияние мыслей и действий человека с волей Всевышнего. "Апокалиптизму временного развития действия Жития соответствует и характер поведения в пространстве и во времени агиографического героя: это главным образом "проявления", "раскрытие" — святости, глубинности, высшей сущности ..."[40]. Если для летописей и хронографов характерно ли-

нейное восприятие необратимости времени, для торжественных поучений время событий как бы "воскресает" в момент проповеди и переживается во всей своей объективной данности, приобретая особый литургический смысл, то время житий неизбежно подводит читателей к осознанию относительности прошлого, настоящего и будущего, их потенциальной слитности в бесконечном вневременном бытии[41]. Пересветов как человек русского Средневековья, а значительная часть образованности и культуры Древней Руси базировалась на знаниях из области агиографии, не мог не чувствовать этих особенностей житийного жанра.

И тем не менее такая концепция времени не отвечала замыслу публициста. Пересветов отказывается от абсолютной предрешенности событий, и, если он отмечает, что Византия погибла под ударами турок, ему важнее подчеркнуть вину людей, а не ссылаться на пророчества. Он, как уже было отмечено, всегда имеет в виду свободу выбора отдельного человека и неуклонно следует раз и навсегда установленным принципам. Это неудивительно: агиограф имеет дело с героем, в полной мере исполнившим свое предназначение, а публицист с участниками событий в момент исторического становления, исход борьбы добра и зла в их душах сам по себе представляет проблему; здесь нет никакой окончательной ясности. Поэтому в языке Пересветова (речь идет о ключевых местах его публицистического сборника) нередки условные конструкции, которые указывают только на желательность или возможность осуществления правильного выбора, совпадающего с Божьей волей: "Естьли к той истинной вере християнской да правда турская ..." (с. 161); "А естьли бы к той правде турской да вера християнская ..." (там же); "Коли его, государя, Бог милостию своей сохранит и помилует ..." (с. 162); "да естьли бы к той правде да вера християнская" (с. 182).

Промысел или противодействует людям, или сопутствует им, он ориентирован на человека, чутко реагирует на каждую допущенную несправедливость, он ждет от человека, сам ни в чем не нуждаясь, сознательного принятия решений. Вряд ли такое понимание будущего в полной мере соответствовало агиографическому апокалиптизму.

В пророчествах пересветовского сборника (во всяком случае в той их части, которая касается будущего Руси) заметна амбивалентность; эти профетические моменты только указывают на возможные пути выбора между добром и злом; **предрешена только неизбежность этого выбора**. Таким образом, для предсказаний Пересветова характерна некоторая "разомкнутость".

Об отношении Пересветова ко всякого рода откровениям и пророчествам свидетельствует та редакторская правка, которую он осуществил, перерабатывая "Повесть о взятии Царьграда турками". Он сознательно исключил одно из предсказаний, известное по так называемой "искандеровской" или первоначальной редакции. Там мы чи-

таем: "Русий же род съ прежде создателными всего Измаилта победять и Седмохолмаго примуть..."[42]. Имеется в виду пора, когда, по мнению автора "Повести", "русий род" освободит Царьград от неверных вместе с теми, кто обладал столицей двух частей вселенной.

Этот факт Н.В.Синицына комментирует следующим образом: "...и И.С. Пересветову, и его продолжателям XVI–XVII вв. мысль о "воцарении" русского рода в Константинополе оказалась чуждой"[43]. Дело в том, что в книжности XVI в. смутное упоминание о некоем "русом роде" со ссылками на Мефодия Патарского было переделано на откровение о "русском" или "русийском роде" (так поступил, например, составитель хронографа, по традиции именуемого "Хронографом 1512 г."). Таким образом, в историческое сознание вносилась идея константинопольского наследия. Эта концепция была призвана указать московским государям на то, что они в праве претендовать на "вотчины" василевсов Византии. Однако сама мысль о борьбе за Босфор, об отвоевании престола Св. Софии не получила широкой поддержки. Нет ее и у Пересветова.

Если вспомнить, как много этот публицист рассуждал о расширении пределов "христианской веры", то покажется странным его пренебрежение пророчеством "Повести", которое он легко мог сделать подтверждением своих чаяний, поставив его на службу главной цели, созданию идеальной модели мирового православного царства.

Объяснить смысл изменений, образовавших публицистическую версию "Повести", можно только тем, что Пересветов был противником той однозначности, необратимости развития событий, которые предлагала первоначальная редакция. Отношение к будущему Московского царства выразилось в оценке предсказания философов ("Большая челобитная"): "Ино ныне на то *надеются* [курсив мой — *А.К.*], что пишут мудрыя философи и дохтуры о благоверном царе и великом князе Иване Васильевиче всея Русии, что он будет мудр и введет правду в свое царство" (с. 177).

Надєжда и вера в неизбежное исполнение пророчества, **оупованиє**, а тем более констатация свершившегося факта далеко не тождественны, их разделяет целая пропасть[44]. Осуществление всех надежд и чаяний возможно только при соблюдении ряда условий, о чем мы говорили выше. Пересветов поэтому не хочет обгонять события. Проявляя известную сдержанность и осторожность, он лишь пытается направить события в определенное русло.

Время героев и место действия

Одной из характерных особенностей повествования в древнерусской литературе была однонаправленность в развитии событий. Соответственно, сам образ времени, который складывался на страницах нарративных литературных произведений, за редким исключением, оставался **однолинейным**.

Сложное совмещение различных временных пластов, движение вспять, "наслаивание" одного времени на другое — в большей мере характерно для литературы новой и тесно связано с ярко выраженным субъективным восприятием событий.

Одним из немногих исключений в этом случае остается "Слово о полку Игореве", в котором события прошлого настолько тесно связаны с событиями настоящего, что это приводит к эффекту *совмещенного рассказа*, когда обстоятельства похода князя Игоря постоянно комментируются целой системой исторических аллюзий и припоминаний[45].

Столь распространенная в древнерусской литературе историческая аналогия сама по себе не могла помешать раскрытию образа однолинейного времени, который стал главнествующим в летописном повествовании и агиографии[46].

С однонаправленностью времени связано развитие жанра воинской повести, которая, эволюционируя на протяжении XII—XVII вв., пришла к сложным формам организации отдельных сюжетов в составе единого литературного целого[47].

В литературе Московского царства монументальные исторические памятники, своеобразные по своей жанровой природе и принципам построения, также не принесли ничего нового в смысле функционирования художественного времени. Традиционные стороны поэтики древнерусской литературы, в том числе характер воспроизведения времени, достигает здесь только предельной выраженности, о чем убедительно написал Д.С. Лихачев. Так, например, в "Степенной книге" развитие исторических событий было подчинено особому "пространственному" образу лествицы, что усиливало идею неотвратимости хода времени, делало ее более отчетливой и наглядной[48].

Применительно к публицистике XVI в. вопрос о воспроизведении времени специально не рассматривался. Это объясняется тем, что в большинстве памятников публицистики Московского царства нарративное начало было заметно ослаблено: речь идет либо о произведениях эпистолографии, либо о дидактических и полемических трактатах, в которых собственно повествованию отведено мало места.

Сочинения Пересветова в этом смысле имеют свою специфику. Для выражения своей концепции автор сборника прибегал к развитым повествовательным формам: его "сказания" продолжают традицию историко-легендарной повести Древней Руси.

Структура пересветовского сборника такова, что каждый повествовательный эпизод оказывается *внутренне* необходимым, его нельзя переставить или изъять, не повредив целого. Только место "Большой челобитной" остается, на первый взгляд, "неопределенным", но, как мы увидим впоследствии, ее роль также стано-

вится понятной на основе выявления всех смысловых связей и соотношений внутри сборника[49].

Каждый герой принадлежит к определенной исторической эпохе, имеет свою временную приуроченность: греческий (византийский) период связан с именами Константина Великого и Константина XI Палеолога, Магмет-салтан является центральной фигурой турецкого периода, а воевода Петр, латинские "философы и дохтуры" — участниками современных публицисту событий.

Однако писатель не следует в точности принципу однонаправленности в развитии действия. В этом убеждает положение "Сказания о Константине" в общем составе сборника.

Полная редакция сочинений Пересветова, представленная 14 списками (большинство их включает весь состав известных сочинений Пересветова), дает примерно одинаковое расположение основных частей. "Сказание о Константине" отнесено там ко второй половине сборника и *всегда* следует за "Малой челобитной" и "Вторым предсказанием" философов как в Музейном, так и в Олонецком изводе.

Это приводит к тому, что в сборнике наблюдается и достаточная "легкость" при смене места действия: если события "Повести о Царьграде" и "Сказания о Магмете-салтане" разворачиваются в Константнополе, то затем, в "Малой челобитной", автор локализует пространство, указывая на место своего теперешнего рассказа, Москву, а затем снова переносит действие в Константинополь и, наконец, помещает своего героя, воеводу Петра ("Большая челобитная"), в столицу Валашского государства, Сочаву.

Временные и пространственные пласты перепутаны, прошлое и настоящее легко приходят в соприкосновение, замещают друг друга.

Так осуществляется довольно легкий переход и от одного места действия к другому, с помощью своеобразной инверсии уничтожается однолинейность, создающая впечатление неотвратимости, изначальной "заданности" событий.

В какой мере эта последовательность в соединении отдельных временных пластов и мест действия соответствовала реальному авторскому замыслу? Ответ на этот важный вопрос не представляется легким. Мы не распологаем автографом или таким списком, который мог бы служить окончательной "канонической" версией сборника (в данном случае этот термин вообще представляется весьма спорным). Здесь приходится считаться только с результатами исследований, проведенных на основе сопоставления позднейших списков, датируемых XVII столетием.

Пересветов в работе с литературными источниками: вымысел как средство создания публицистической концепции

Главные герои пересветовского сборника, если исключить "латинских" прорицателей и воеводу Петра, были деятельными участниками осады и защиты Константинополя, как о том сообщает "Повесть о взятии Царьграда". С этими героями связаны принципиальные стороны историософской концепции Пересветова; до некоторой степени царь, патриарх и султан выступали персонификациями авторских идей.

"Повесть" стала основным источником публициста, снабдила его исходными фактами, которые он и мог использовать в дальнейшем.

В научной литературе 50-ых гг., когда вслед за В.Ф.Ржигой началось активное освоение корпуса сочинений Пересветова, не установилось единого взгляда на характер работы писателя с "Повестью о взятии Царьграда турками". С одной стороны, абсолютизировалась степень влияния "Повести" на сборник Пересветова и утверждалось полное идейное совпадение двух памятников (Л.Н.Пушкарев)[50], с другой — "Повесть" была признана лишь исторической основой сборника но, как утверждал А.А.Зимин, "строй мыслей Нестора Искандера чужд публицисту середины XVI в."[51].

Вряд ли следует выяснять, кто прав из вышеназванных исследователей. Скорее всего, речь должна идти о творческой переоценке Пересветовым основных идей "Повести".

Во-первых, как уже было отмечено, публицист создает свою переделку "Повести" и при этом действительно воспроизводит отдельные суждения ее творца, трактовку некоторых событий и лиц. Но при этом он вносит в "чужой" текст важные поправки и дополнения. Во-вторых, Пересветов может принять далеко не все из того, что соответствует замыслу создателя "Повести". Отсюда его "протводействие" концепции Нестора-Искандера, стремление посвоему расставить акценты.

Начнем с моментов безусловного идейного сходства и попытаемся разобраться в том, почему Пересветов "согласился " с автором-предшественником.

Ни в "Повести", ни в сборнике Пересветова нет открытой антилатинской направленности. Между тем, многие источники сообщают о том, что в 1453 г. (накануне падения города) в Константинополе, население которого было раздираемо конфессиональными противоречиями, боролись группировки сторонников "латинян", а также туркофилы, поддреживавшие турецкого султана, и православные, видевшие главную причину несчастий Византии в унии с католиками. У народа не было единомыслия, а император, так официально и не венчанный на царство, сочувствовал "фрягам" и был фактически

униатом. Последняя христианская служба, которая прошла в Св. Софии, была униатской. Глава духовенства отсутствовал, поскольку византийский патриарх Григорий III Мамм покинул город еще в 1450 г. Защитников столицы вдохновлял на борьбу с врагами предатель православных интересов, отвергнутый в России, митрополит Исидор, кардинал "сарматский". В этих условиях была совершенно невозможна та почти идиллическая картина союза государя и церкви, которую нарисовал автор "Повести". Почему в православной книжности XVI века осуждение "латинства" прочно не вошло в редакции "Повести", почему критика греков-"униатов" не стала общим местом у Пересветова?

Исследователь "Повести" М.В.Мелихов отмечает: "На данном примере мы можем убедиться в том, что перед нами не просто ошибка или незнание исторического факта, а, напротив, целенаправленная работа по созданию необходимого для раскрытия авторской концепции образа"[52]. Этим целям служит вымышленное лицо, "псевдоисторический" герой, патриарх Анастасий. Автор "Повести" допускает отступление от исторической правды не для того, чтобы сделать более занимательным сюжет и "развлечь" читателя, он пишет не о сущем, но о должном. Симфония духовной и светской власти — наиболее приемлемая для книжника ситуация. Это придает "Повести" особый легендарный характер, делает ее не столько историческим документом, сколько преданием на тему взятия Царьграда.

Трудно сказать, располагал ли Пересветов другими источниками о событиях 1453 г., но, памятуя о том, что многие сведения он вообще толковал слишком вольно, мало заботясь о достоверности повествования, нельзя исключать сознательности принятого вымысла. Пересветову Анастасий нужен не только как представитель церкви, облеченный особым высоким саном, но и как посредник между Богом и людьми, как единственный защитник "веры", обратившийся к Христу с горькими мольбами и просьбой разъяснить, почему погибло великое царство.

В то же время Пересветова мало заботила антилатинская полемика: в большинстве случаев слово "ересь" применительно к грекам фигурирует у него не как догматическое отступничество, а просто как безнравственная , противоречащая евангельским заповедям жизнь, жизнь не по "правде".

Исследователи давно отмечали тот факт, что сочувственным изображением Магмета-салтана Пересветов обязан отчасти автору "Повести о взятии Царьграда турками".

Однако изображение Магмета-салтана в повести противоречиво.

Так, с одной стороны, Магмет-салтан проявляет особое уважение к христианской святыне, храму Св. Софии: "И пришед Магмет-салтан на площадь к великой церкви, и сшел с коня, и паде на зем-

лю лицем, и перстию посыпаху главу свою, благодаря Бога" (с. 146). Магмет-салтан прощает народ и патриарха Анастасия, обещает им свою милость.

С другой — позитивная характеристика правителя неверных никак не вяжется с теми отрицательными оценками, которые дает ему автор во время описания турецких штурмов. Решительное осуждение завоевателя проявилось прежде всего в подборе соответствующих эпитетов, ими изобилует произведение: "безверный" (с. 130), "скверный" (с. 131), "безбожный" (с. 132), "безверный и безбожный" (с. 132), "злонравный" (с. 133), "зловерный" (с. 134), "окаянъный" (с. 138).

Двойственность в оценках и самом художественном изображении Магмета-салтана может быть объяснена только тем, что первоначально автор сочувствует защитникам города, а после рассказа о его падении признает за турецким монархом право быть новым государем Константинополя по "Божию попущению". Магмет выступает лишь послушным орудием Промысла[53].

Эта двойственность заметна и у Пересветова, прославляющего и одновременно осуждающего Магмета-салтана (об этом далее).

В то же время нельзя не заметить в трактовке исторических событий и лиц существенных отличий, которые становятся очевидными при сопоставлении двух авторских концепций.

Если говорить о причинах падения Царьграда, то необходимо иметь в виду, что создатель "Повести" отмечает в основном провиденциальный характер происходящего, о грехах людей он рассуждает довольно туманно, не уточняя, какие именно преступления совершили греки, какие заповеди нарушили: "Тако же и ныне, въ последняя времена, грех ради наших..."; "Се же бысть за наши грехы Божие попущение..."; "В 20 же первый день маиа, грех ради наших, бысть знамение страшно в граде ..."; "И сим сице бываемым и тако съвршаемым грех ради наших: беззаконный Магумет седе на престоле царствиа благороднейша суща всех иже под солнцем ..."[54] (цитируется первоначальная "искандеровская" редакция; мысль о греховности людей Пересветов усиливает вставкой, где подчеркивается неотвратимость "казней Божиих": "грех ради наших, Господь наш Исус Христос разгневался на нас неутолимым гневом своим святым" — с. 137). Складывается впечатление, что этот абстрактный, часто близкий риторической патетике, тон автора "Повести" скорее свидетельствует об идеализации поведения греков (Нестор-Искандер не хочет указывать на их действительные заблуждения). Его занимает драматическое противоречие между знамениями, предрекающими неизбежность гибели Царьграда, и той героической решимостью, которую в последние дни существования империи выказывают защитники города. Книжник восхищается их храбростью,

скорбит вместе с ними, но нравственные предпосылки поражения греков его глубоко не волнуют.

Недостаточность четких моральных ориентиров у автора-предшественника неизбежно толкала Пересветова к тому, чтобы сделать более определенной свою позицию в этом вопросе. "Повесть" стала только отправным моментом в дальнейшем развитии нравственно-религиозной доктрины публициста. Как писатель Пересветов чувствует необходимость пространного повествовательного введения к своему сборнику и делает "взятие греческое" своеобразным прологом. В "Большой челобитной" воевода Петр настоятельно советует: "Да естьли хотети царской мудрости, отведати о воинстве и о уставе жития царскаго, ино прочести взятие греческое до конца ..."(с. 170).

Но публицист понимал, что "Повесть" не может быть "механически" присоединена к сборнику. Для Пересветова становится важным вопрос идейного сближения текстов, внутренней логики и композиции, умелого соединения разнородных фрагментов в единое философское и литературное целое.

От темы "греческого взятия" нужно было перейти к теме нарушения греками заповедей Христа, нужно было показать, чем защитники Царьграда действительно прогневали Господа.

Этот переход подготавливается в пересветовской редакции "Повести". Публицист вносит одно важное дополнение: рассказывая о царе Константине, он отмечает, что бесполезно грешникам, несмотря на все усилия, сопротивляться обстоятельствам, если воля Божья не на их стороне: "От царскаго было меча и богатырства и мудрости его вся подсолнечная не могла ухранитися. Ино за неправду Господь Бог гневается"(с. 143). По мнению А.А.Зимина, это — "чисто пересветовская вставка"[55].

Пересветов прибегает к использованию особых композиционных "скреп", которые связывают "Повесть" и основные произведения сборника. Так, например, многочисленны отсылки к "греческому взятию", которые служат постоянным фоном рассуждений о "правде" и "вере" (об этом далее).

Манера работы Пересветова с литературным источником показательна: он не рассматривает "Повесть" как совершенно самостоятельное и завершенное произведение, он дополняет ее, вводит отдельные темы и образы "Повести" в ткань своих оригинальных сочинений, полемизирует с трактовками исторических событий и лиц.

В отличие от автора "Повести" Пересветов не только не склонен идеализировать греков, но представляет их преступным и отверженным народом: "А ныне сами греки за свою гордость и за беззаконие и за ленивьство свое веру християнскую у царя турскаго откупают, — великия оброки дают царю турескому, а сами в неволе живут у царя турскаго за свою гордость и за ленивьство. Греки и

сербы наймуются овец пасти и верблюдов у турскаго царя: и лутчия греки, и они торгуют" (с. 176). Земным возмездием за пороки в историческом прошлом становится историческое ничтожество в настоящем.

Столь же существенна и трактовка образа царя Константина Ивановича. Автор "Повести" изображает его мучеником за веру и героем, прославившимся во время осады Константинополя. Книжник не может объяснить того, почему этот незаурядный человек не сумел выполнить свою историческую миссию и единственное, на что он способен, это — погибнуть вместе с остальными защтниками столицы. Пересветов представляет Константина одним из главных виновников трагедии. Для него последний византийский император — персонификация безнравственной слабости. С реальным Константином XI Палеологом, в чем мы уже убедились, пересветовский герой имеет мало общего.

Итак, если "Повесть о взятии Царьграда турками" как свидетельство о событиях 1453 г. явно вторична и скорее является художественной версией исторического сюжета, то сборник Пересветова становится своеобразным "отражением отражения". В нем одна авторская концепция наслаивается на другую.

В то же время в лице Пересветова мы видим писателя, активно осваивающего вымысел как средство создания определенного идейного мифа. Трудно сказать, как относились к этому читатели. Скорее всего, они не замечали всех произвольных и непроизвольных отступлений Пересветова от имевших место исторических событий. В этом убеждает традиция бытования его сочинений в XVII столетии. Тогда к "сказаниям" публициста относились еще как к достоверным источникам. Многие легендарные сюжеты, подобные известному "Диалогу" патриарха Геннадия и султана, распространялись в литературе XVI в. на правах подлинных свидетельств; на эти легенды ссылались, использовали их как аргументы в дискуссиях[56].

Таким образом, у Пересветова вымысел не имел еще четко выраженных эстетических функций, он не был рассчитан и на так называемое "сюжетное подсказывание", на то, что читатель воспримет его как должное. Вымысел еще "маскируется" под историю, а голос публициста звучит от этого только убедительнее[57].

"Иерархия" героев и композиция: их взаимообусловленность

Идейная сложность и формальная неоднородность пересветовского сборника всегда являлись существенным препятствием на пути его содержательного освоения. Об этом свидетельствует хотя бы то, что сравнительно недавно была выдвинута концепция, согласно которой

сборник "распадается" на разноплановые, четко не связанные друг с другом части. Это — точка зрения Д.Н.Альшица. Аналитическое прочтение сборника автор "скептической" теории предваряет утверждением, которое звучит скорее как вывод, а не как постановка вопроса: "Издание сочинений И.Пересветова, подготовленное А.А.Зиминым, усиливает сомнения в том, что все они принадлежат одному лицу. <...> Заметим, что гипотеза о существовании Пересветова — автора всех произведений цикла — придает их изучению известную предвзятость: мешает видеть серьезные различия между ними, и прежде всего различия тех политических позиций, с которых они написаны"[58]. Так, "Сказание о книгах" в его первой редакции, по Д.Н.Альшицу, — произведение церковное и не могло быть написано дворянским публицистом, а "Повесть о взятии Царьграда турками" противоречит "Сказанию о Константине" и появилась в составе сборника благодаря усердию переписчиков-компиляторов XVII в. Все эти утверждения, не подкрепленные соответствующим источниковедческим и герменевтическим анализом, можно было бы оставить без возражений как малоосновательные. Однако нельзя не обратить внимания на то, как Д.Н.Альшиц сопоставляет важнейшие произведения сборника, "Сказание о Магмете-салтане" и "Большую челобитную". Он предположил, что эти памятники создавались разными лицами, что автор "Сказания о Магмете" воплощал в жизнь проекты политических реформ Алексея Адашева, что "Большая челобитная" написана с позиций, тождественных взглядам Ивана Грозного. Д.Н.Альшиц не исключает даже того, что творцом "Сказания" мог быть сам Адашев, а "Большую челобитную", адресованную, кстати, Ивану Грозному, написал сам Иван Грозный[59]. Тем не менее, несмотря на очевидный максимализм гипотезы, Д.Н.Альшиц, отказавший сборнику в идейной стройности и композиционной логике, уловил интересную закономерность, которая, полагаем, требует объяснения. Дело в том, что автор рассмотренной концепции справедливо указал на несовпадение в трактовках двух исторических лиц, упоминаемых в сборнике, Магмета-салтана и Ивана Грозного. Идеальный правитель в "Сказании" мало напоминает царя в "Большой челобитной".

Чем обусловлено это несовпадение? Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, можно избрать иной способ интерпретации текста, нежели тот, который предложил Д.Н.Альшиц.

Идейное единство произведений Пересветова, взаимосвязанность историософских, религиозно-нравственных и государственных представлений публициста, о чем мы говорили, выводятся из сопоставительного прочтения **целого комплекса текстов**. В то же время противоречия источника, отмеченные Д.Н.Альшицем, не будут казаться столь существенными, если появится возможность последовательно

раскрыть ход авторской мысли, показать то, как она воплощалась на уровне образной системы и самой композиции.

Характеристика тех или иных исторических лиц зависит у Пересветова от принципиальных моментов его нравственно-религиозной доктрины. В его сборнике практически нет положительных героев, которые в полной мере соответствовали бы авторскому идеалу. Так, например, Магмет-салтан — только подготовка, несовершенный прообраз будущего, то есть, говоря словами митрополита Илариона, можно с уверенностью утверждать, что здесь людям дана еще "тень", а не истина; Божественная справедливость еще не воплощена. Как и византийский монарх, Магмет проявил нерешительность в принципиальном для Пересветова вопросе, в защите "веры христианской". Точным соответствием вельмож Константина служат в данном случае турецкие "сеиты", враги христианства. Именно они Магмета "с пути Божественнаго совратили" (с. 151).

Отдельные герои Пересветова только приблизились к постижению высокого назначения Богом дарованной власти, они только представляют себе, каким должен быть православный царь, готовый соединить "правду" и "веру". На это прозрение способен, однако, далеко не каждый. Часть истины постигает только тот, кто находится на достаточно высоком уровне духовного развития.

В то же время особенностью такого сложного разножанрового комплекса, каким является сборник Пересветова, было то, что повествование и связанные с ним герои выполняли роль определенных приемов, помогавших выражению авторской позиции.

Сама структура сборника такова, что все тексты в нем точно распределяются по двум основным группам: собственно нарративные произведения ("сказания"), с одной стороны, и толкования, пояснения к ним — с другой ("предсказания", "челобитные"). Одновременно героями пересветовского сборника были исторические и легендарные лица, выступавшие или в качестве участников изображенных событий, или в качестве толкователей, объяснявших смысл этих событий (исключением, пожалуй, стал только Магмет-салтан).

Для Пересветова характерна и особая "ступенчатость" в раскрытии основной мысли сборника. На каждом этапе становления концепции публицист выводит новых героев, которые усложняют ее, делают более емкой. Иерархия героев сборника, их принципиальная неравноценность — адекватный путь, который позволил Пересветову раскрыть важнейшие стороны своего учения.

От данного обстоятельства, надо заметить, зависит и распределение самих средств создания образа. Герои, наделенные меньшей духовной зрелостью, никогда не выступают в роли тех, кто произносит те или иные сентенции, они лишены "права голоса", поэтому Константин Иванович и Анастасий не обращаются к людям с монологами-поучениями. Однако Константин и патриарх стоят на более вы-

сокой ступени, чем вельможи: лукавые царедворцы и "бояре" византийского монарха предстают как темная толпа, враждебная голосу "правды", в своей безликости подобная скопищу демонических сил, изображаемых в древнерусской агиографии. Это — своего рода бесовское войско.

Степень духовной зрелости Константина безусловно ниже, чем у Анастасия. Несмотря на благие порывы, царь теряет способность отличать ложь от истины. Патриарх, в свою очередь, хотя и заблуждается, но для него еще открыт путь покаяния, он наделен особым даром "слез сердечных". Не понимая в полной мере нравственных причин падения великого царства, Анастасий вымаливает Божью милость.

Подлинный урок из событий "греческого взятия" выносит Магмет-салтан. Из "христианских книг" он почерпнул больше пользы, чем Анастасий. Султан, на практике реализующий Божественные заповеди, не только "ввел правду", но и выступил ее апологетом. Он постоянно объясняет, почему поступил так или иначе, комментирует как исторические события, так и собственное поведение. Магмет-салтан, являющийся своеобразной антитезой патриарха и царя Константина, с избытком наделен способностью осмысленного отношения к действительности и самостоятельного принятия решений. Именно это дает ему в глазах Пересветова моральное право поучать подданных. В сборнике этот герой занимает особое место, он в равной степени деятелен и рассудителен, его активность, в противоположность злой устремленности бояр, ведет к созиданию. И все-таки Магмет-салтан становится, если так можно сказать, предметом критики, последнее слово — не за ним. Позиция автора в большей степени выражена устами другого героя, воеводы Петра.

Он лишен, может быть, той активности, которую проявляет в своем государственном строительстве Магмет-салтан, но при этом оказывается главным толкователем всех событий. Именно "Большая челобитная" и ее композиционный центр, монологи воеводы Петра, окончательно проясняют то, что могло быть не понято или превратно истолковано из предыдущих частей сборника.

В сущности именно воевода Петр дает непосредственные рекомендации Ивану Грозному. Поэтому достаточно спорным выглядит утверждение Д.Н.Альшица о том, что главным героем "Большой челобитной" является именно Иван Грозный[60]. Для того, чтобы говорить о герое, а не просто об упоминаемом историческом лице, необходимы достаточные основания. У Пересветова Грозный не участвует в тех или иных событиях, он не выступает также в роли их толкователя. Между адресатом и автором намеренно выстраивается целый ряд действительных героев, легендарных и исторических.

Почему все-таки итоговое произведение сборника так тесно связано с личностью воеводы Петра? Чем он, собственно, мог заинтересовать автора?

Воевода — единственный герой сборника, соотнесенный не с прошлым, а с настоящим. Его прототипом было реальное лицо, современник Пересветова, молдавский правитель Петр IV Рареш (годы правления — 1527–1538 и 1541–1546), родственник Ивана Грозного. Об этом родстве впервые написал М.Н.Тихомиров, использовавший материалы малоизвестного сербского родословца[61]. Петр был не только кровно связан с династией Рюриковичей, но и являлся политическим союзником Василия III. Безусловная заинтересованность молдавского господаря в процветании Московского царства объясняется тем, что он видел в Руси последний оплот истинной веры и сам, будучи православным, не мог не надеяться на спасительную для порабощенных христианских народов миссию русских государей. Нельзя исключать того, что в "Большой челобитной", предназначенной для вручения лично Ивану Грозному, могли быть использованы реальные "речи" господаря Петра.

Итак, сравнивая Магмета-салтана и Ивана Грозного, воевода неизбежно устанавливает различия, усиливает негативную характеристику турецкого правителя. Он переносит акцент с описания справедливого царства турок на предсказания будущей славы московского государя. Именно это будущее окружено в "Большой челобитной" ореолом идеального величия. Но нельзя думать, вслед за Д.Н.Альшицем, что задачей "Большой челобитной" было опорочить Магмета-салтана. Негативные оценки этого исторического лица уравновешиваются панегириками в его адрес. Впрочем, и в "Сказании о Магмете-салтане" нет исключительной идеализации турецкого правителя: как мы говорили, его "правда" там признается недостаточной.

Сама последовательность, в которой выводятся герои сборника, как главные, так и второстепенные, весьма показательна.

В начале сборника все внимание читателя сосредоточено на фигуре патриарха Анастасия, об историческом значении царствования Константина Ивановича в "Сказании о книгах" не говорится. Этим сознательно усиливается противоречие между устремлениями духовной и светской власти, их разобщенность, что противоречит "Повести о взятии Царьграда турками". Анастасий молится за православие в виду реальной опасности: Магмет-салтан грозится уничтожить святыни, искоренить само христианство. Он похитил священные книги. После того, как Христос заступился за правоверных, Магмет отдает патриарху книги. Этот эпизод появляется не случайно. С его помощью Пересветов подготовил важнейшую мысль "Сказания о Магмете-салтане": "иноплемянник" исправляет турецкие порядки по греческим (христианским) образцам. Но именно правда

Магмета становится предметом переоценки в конце "Сказания", когда говорится о прении греков с латинскими философами.

Мысль о несовершенстве "правды" Магмета заставляет перейти к пророчеству о будущем Московского царства, а затем в "Малой челобитной" — к недостаткам современной автору русской жизни; здесь главной фигурой, адресатом и арбитром в споре Пересветова с несправедливыми боярами должен быть Иван Грозный. Своеобразным "постскриптумом" челобитной становится так называемое "Второе предсказание философов", а за ним следует "Сказание о царе Константине", прокомментированное Магметом-салтаном в "Концовке" (фрагменте, который возвращает читателя к "Сказанию о Магмете-салтане").

В Большой челобитной, где упоминаются главные герои Пересветова, содержатся отсылки ко всем частям сборника: упоминается "Повесть о взятии Царьграда турками", неоднократно используются предсказания философов, формула из "Сказания о Магмете-салтане" ("да к той бы правде да вера христианския, ино бы с ними ангели беседовали" — с. 208), рассказы о начинаниях Магмета с описанием его справедливого суда, переклички с речами самого султана, в том числе историческая аналогия ("яко знамение Господь Бог показал над Фараоном" — там же), рассуждения Магмета-салтана об Адаме находят развернутое продолжение в виде апокрифического сказания о "записи" первого человека, его договоре с дьяволом, перечисляются преступления вельмож из "Сказания о царе Константине" и, наконец, приводятся слова, с помощью которых Магмет-салтан характеризует несправедливые порядки в царстве Константина Ивановича. Таким образом, высказывания воеводы Петра объединяют почти все темы и проблемы сборника. Так складывается большой итоговый монолог.

Кроме того, в сборнике Пересветова на макроуровне развернута фигура *градации*: основной идейный конфликт между миром неправедным и миром Правды усиливается к концу произведения. Своего пика *градация* достигает в тот момент, когда воевода Петр выносит суровый, но в то же время неокончательный, приговор Московскому царству. Самое смелое утверждение Пересветова, пророчество гибели последней православной державы, предсказание великой кары за неправду становится эмоциональной и смысловой кульминацией. Весь сборник переполнен угрозами в адрес тех, "которыя в сердцах своих правды не помнят" (с. 153), и только в конце Иван Пересветов дает развернутое объяснение того, что есть правда, открывает ее вечный онтологический смысл. Сама мысль высказана в момент наибольшего эмоционального подъема: узнав о том, что в Московском царстве нет правды, воевода Петр плачет и произносит слова, которые могли бы стать девизом самого Пересветова: "Коли правды нет, то и всего нет". Этот важнейший акцент сделан именно в "Большой

челобитной", ставшей архитектоническим узлом сборника. Челобитная как ключ свода замыкает собой всю сложную структуру литературного целого.

Композиционная логика сочинений Пересветова очевидна. Она настолько точно отражает развитие авторской мысли, что мы вправе говорить об особом "диалектическом" принципе построения сборника и одновременно о предельной завершенности каждой отдельно взятой части: все повторы, переклички, заранее подготовленные "переходы" от одной темы к другой — результат последовательного воплощения единой писательской позиции.

* * *

Как уже было сказано, публицистика Пересветова представляют собой такое культурное явление, которое было родственно официальным историческим и правовым теориям Московского государства. Однако заметная идейная общность еще не свидетельствует о безусловном тождестве. Писатель 40-х гг. XVI столетия был лишь выразителем определенной точки зрения, главный акцент он сделал на будущем Святорусского царства и при этом весьма недвусмысленно намекал на недостатки современного ему общественного устройства. Пересветов жил будущим. Это сообщает его учению специфический оттенок историософской и нравственно-религиозной утопии.

По мнению официальных "идеологов" Московской Руси, идеал достигнут, все происходившее в мировой истории лишь подготовка настоящего момента, и говорить нужно не о должном, а о том, что уже осуществилось.

В эпоху, когда создавались монументальные литературные произведения, построенные по принципу объединения богатого и разнородного фактического материала, когда публицистика и, в значительной мере, такое ее жанровое ответвление, как эпистолография, были обращены к исторической проблематике, доминирующими оставались некоторые положения государственной доктрины. Они не подлежали пересмотру. Речь идет, в первую очередь, об идее высшей мистической предназначенности княжеского рода. У Пересветова эта мысль не получила развития (отдельные суждения на этот счет есть только в "Первом предсказании философов" — с. 162).

В то же время возведенная в ранг общепринятой концепции доктрина династической преемственности власти (особый родовой миф Рюриковичей) была поднята на небывалую высоту именно теми публицистами, которые не испытали прямого влияния идей Пересветова. Это относится и к царю Ивану Грозному, хотя его нередко представляют последователем и чуть ли не "учеником" автора "Сказания о Магмете-салтане".

Свою версию русской истории во второй половине XVI в. предложил именно Иван Грозный. Предложил в тот момент, когда полемика по злободневным вопросам современности внутри России была уже невозможна. Идеи Пересветова не оказывали на литературную жизнь того влияния, которое они могли иметь в иных условиях.

Грозному была чужда "вариативность" по отношению к истории. Мысли о будущем занимали в сочинениях московского государя особое место: судьба царства виделась ему в исключительно эсхатологическом аспекте; утопия справедливого общественного устройства, рефлексия по поводу дисгармонии земного бытия, стремление добиться примирения "веры" и "правды"в конкретном земном опыте не приобрели для царя такой остроты[62].

В то же время Пересветов был далек от того, чтобы понять проблему власти как глубокий полный внутреннего драматизма нравственный конфликт. Об этом знал только Иван Грозный. Груз ответственности, который несет самодержец, остается уделом самодержца.

* * *

Раскрытие логики рассуждений любого средневекового автора — задача комплексная и сложная. От ее решения зависят пути адекватного описания мировоззренческих систем целых эпох. Общее направление поисков отвечает тем принципиальным моментам интерпретации, на которые давно обратил внимание П.М.Бицилли: "... людское сознание не есть какая-то нейтральная среда. Необходимо настоятельно подчеркнуть, что способы преломления впечатлений, получаемых сознанием извне, вовсе не одинаковы во все исторические моменты и что, следовательно, историк не имеет права устраняться от учета личного коэффициента и оценивать значение и роль объективного фактора так, как если бы субъективного не было бы вовсе: такой прием был бы правомерен только в случае постоянства личного коэффициента. Задача историка, следовательно, гораздо сложнее простого взвешивания объективных условий и установления причинно-следственных связей между ними путем заключения от настоящего к прошедшему: психический мир человека прошлых времен отличается от психического мира современного человека не только по содержанию, но и *формально*. Поэтому историю нельзя свести к социологии. Историк вынужден считаться с *формами* восприятия мира в тот или другой исторический момент... "[63].

Следует иметь в виду, что "формы восприятия мира" так же важны историку, как филологу — конкретные исторические формы выражения идей в литературе. Изучение древнерусской словесности в этом смысле только подтверждает данное правило.

Необходимо признать, что задача медиевистов будет состоять в том, чтобы, наконец, обнаружить надежную зримую связь между миросозерцанием прошлого и реальными этапами самого историко-литературного процесса. Но это тема другого разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Камчатнов А.М. Лингвистическая герменевтика. М., 1995. С. 10.

[2] Поль Рикер. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 4.

[3] Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. Киев. , 1914. С. 180.

[4] Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан, ; М., 1992. С. 21.

Сама позиция исследователя по отношению к изучаемому источнику предполагает хотя бы гипотетическую "чистоту эксперимента". Конечно, реальная картина гораздо сложнее: исследователь сам "конструирует" до некоторой степени предмет своего изучения. Так, говоря о воссоздании прошлого, А.Я.Гуревич справедливо отмечает: "Мы видим ее [историю. — А.К.] из настоящего времени и, следовательно, привносим в ее картину свой взгляд на историю, свое понимание ее преемственности, собственную систему оценок" (Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993. С. 15). В то же время ученый настоятельно подчеркивает необходимость более пристального рассмотрения того, что могут дать только подлинные источники, которые позволяют понять ценностные установки и сам духовный мир человека далеких времен: "постижение хода исторического процесса едва ли может быть полным и убедительным, если историки игнорируют мысли и чувства <...> людей, их миропонимание, которым они руководствовались в своей жизненной практике" (Там же. С. 16).

[5] В свое время академик М.Н.Тихомиров обратил внимание на эту сторону работ по общественно-политической мысли Древней Руси. Так, например, рецензируя диссертацию А.И.Клибанова "Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в.", ученый писал: "Вообще А.И.Клибанов чересчур склонен в церковных сочинениях XIV–XV вв., если они сколько-нибудь отходят от представляющейся ему сложившейся догмы православия, видеть выражения не только вольномыслия, но и атеизма" (Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 302).

[6] Лурье Я.С. Комментарии к тексту Музейного списка Полной редакции // Сочинения И.Пересветова / Подгот. текста Зимина А.А. Под ред. Д.С. Лихачева. М.;Л., 1956. С. 326.

[7] Лихачев Д.С. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов // Исторический архив. 1957. № 6. С. 159, 163, 164; Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. Очерк по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 251–266; Danti A. Ivan Peresvetov: Osservazioni e proposte // Ricerche Slavistiche. 1964. Vol. 12. P. 3–63; Лурье Я.С.Пересветов Иван Семенович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Л., 1989. Ч. 2. С. 178–182; Саркисова Г.И. Существовал ли публицист Ивашка Пересветов?

// От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 271–281.

[8] Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О.Шмидта. М., 1969. С. 31. Об этом см.: Зимин А.А. Указ. соч. С. 336–338.

[9] Зимин А.А. Указ. соч. С. 256–258.

[10] Известно, что тема Константина Великого была очень распространена в русской литературе XVI века. Так, например, известный филолог и книжник Максим Грек, переводя одну из статей "Лексикона Свиды", дает собственное летоисчисление, от Адама до Констанина Великого. См.: Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 74.

[11] Сочинения И.Пересветова. С. 145. Далее ссылки на издание текстов Пересветова даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

[12] Известно, что Пересветов приехал на Русь, надеясь быть полезным православному монарху. До этого он был на военной службе у венгерского короля Яна Запольи, чешского — Фердинанда I, польского — Сигизмунда I. См.: Лурье Я.С. Комментарии к тексту Музейного списка. С. 300–303.

[13] ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 652.

[14] Лурье Я.С. Комментарии. С. 324.

[15] А.И.Клибанов рассматривает Пересветова с точки зрения того, в какой мере была реализована в его творчестве философская концепция "суверенитета" человеческой личности. Здесь важны не только сами выводы, но и система мировоззренческих предпосылок, лежащая в основе рассуждений. См.: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 218–238.

[16] Там же. С. 229.

[17] Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. III. Стлб. 3–4.

[18] Совсем недавно историк русской средневековой культуры А.Л.Юрганов пришел к сходным выводам, анализируя текст пересветовского апокрифа об Адаме: "Не только человек находится перед глобальным выбором: кому ему служить — Богу или дьяволу, но и страна вся может — от грехов своих правителей — угождать не Богу, а дьяволу". См.: Юрганов А.Л. Бог и раб Божий, государь и холоп: "самовластие" средневекового человека // Россия XXI. 1998. № 7–8. С. 91. Апокриф о рукописании Адама вызвал гневную отповедь Максима Грека, который отмечал, что этот сюжет неканоничен: "не от Божественных бо писаний приемше имут себе, но от своея ненаказанныя мысли умысливше" (Лурье Я.С. Комментарии. С. 325–326).

[19] Клибанов А.И. Указ. соч. С. 229.

[20] Рыков Ю.Д. К вопросу об источниках первого послания Курбского Ивану IV // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXXI. С. 238–239.

[21] Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960. С. 380–381; Зимин А.А. Указ. соч. С. 396–400.

[22] Я.С. Лурье излагает концепцию А.Л.Сакетти (См.: Лурье Я.С. Указ. соч. С. 283; Сакетти А.Л. Политическая программа И.С. Пересветова // Вестник МГУ. 1951. № 1. С. 110; Он же, Сальников Ю.Ф.. О взглядах И.Пересветова // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 117–118).

[23] Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л., 1987. С. 229. Под влиянием "общих мест", характерных для многих историков общественно-политической мысли и философии, написано пособие, в котором дается трактовка исторических воззрений Пересветова (Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философи истории. М., 1997. С. 43–45).

[24] Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 33–116.

[25] Лурье Я.С. Комментарии. С. 283.

[26] В свое время эту мысль высказал В.Ф.Переверзев, но не привел для ее обоснования достаточной аргументации. Историософский смысл ' учения Пересветова не был раскрыт в полной мере. (См.: Переверзев В.Ф. Литература Древней Руси. М., 1971. С. 208).

[27] Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси... С. 225.

[28] Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI — XVII вв. М., 1992. С. 309.

[29] Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894. приложения. С. 19–20.

[30] Демин А.С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 79.

[31] Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 217; Зимин А.А. Указ. соч. С. 389–392; Переверзев В.Ф. Указ. соч. С. 209–210.

[32] В послании Гурию Заболоцкому и Касиану и Гурию Коровиным Зиновий Отенский отмечал: "Но ниже благородием разумен кто вземлется или отпадая скорбит, аще и царск внук или ипата сын есть, ведущу единого родоначалника Адама, иже благородиа бывша и безродна, после же славна и безчестна. Не от иного родоначалника цари, иного же ипаты и воеводы и началники, и другаго безславнии и нищии, но вси от того же и из единаго Адама" (Корецкий В.И. Новые послания Зиновия Отенского // ТОДРЛ. М.;Л., 1970. Т. XXV. С. 126).

[33] Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 58.

[34] Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 60.

[35] О царской "грозе" и эпитете "грозный" см.: Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 70–71. Ср.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 398–401.

[36] Пушкарев Л.Н. И.Пересветов и его связи с русской литературной традицией // Сочинения И.Пересветова. С. 70–71.

[37] О значении "Повести" М.Б.Плюханова пишет: " "Повесть о взятии Царьграда" важна как урок, в ней видят предчувствие и угрозу. Она помещается перед текстом антиеретического "Просветителя" Иосифа Волоцкого и может пониматься как пророчество о судьбе Русского царства, в случае если оно не победит у себя ереси" (Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 182).

[38] Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. С. 219–220. Следует обратить внимание и на эсхатологические мотивы в публицистике

Московского царства. По мнению А.Л.Юрганова, Пересветов знал об эсхатологических сочинениях, в которых падение Царьграда в 1453 г. служило апокалиптическим указанием: конец света напрямую связывался с захватом христианского царства неверными. "В 1453 г., — пишет исследователь, — худшие опасения оправдались. И.С. Пересветов видел богоугодность, а значит и спасение, в сохранении до дня Страшного Суда православной державы"(Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры... С. 80). Об отношении книжников к трагическим событиям середины XV в. свидетельствует и сочинение Максима Грека "Второе слово на богоборца пса Моамефа", оказавшее непосредственное воздействие на историософскую концепцию А.М.Курбского во "Втором послании Вассиану Муромцеву". Максим Грек считал Магмета-салтана предчетей Антихриста (см.: Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 28—30).

[39] Следует отличать время историческое, то есть восприятие древнерусским книжником событий общественной жизни, течения этих событий от времени "художественного" , самого образа времени в литературном произведении. В русской средневековой словесности историческое и так называемое "художественное" время взаимосвязаны (Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 1997. С. 10).

[40] Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 127.

[41] О воспроизведении времени в русской средневековой агиографии см.: Кочетков И.А. Категория времени в житии и житийной иконе // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978. С. 227—237.

[42] ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 264.

[43] Синицына Н.В. Третий Рим. М., 1998. С. 193.

[44] А.М.Камчатнов, специализирующийся в области герменевтики славянской Библии, основываясь на онтологической теории смысла и этимологии слова, дает следующее толкование ст.-сл. **надежда**: "эйдос надежды в слове **надежда** отождествляется с определенными действиями человека — налаганием чего-либо на что-либо с какой-то целью: заплаты на ветхую одежду, чтобы она была крепче, стальной надковки на деревянный лемех, чтобы он был тверже и острее. Понятно, что результаты таких действий могут быть только вероятными; отсюда пословицы типа: надейся добра, а жди худа; жить надейся, а умирать готовься; на Бога надейся, а сам не плошай <...> слово **оупование** выражает такое понимание эйдоса надежды, которое связано не с естественным ходом событий и порядком вещей, всегда относительным, а с безусловной и абсолютной силой Божией" (Камчатнов А.М. Указ. соч. С. 111—112).

[45] Прием ретроспективной исторической аналогии обстоятельно изучался В.В.Кусковым на примере литературы XII—XV вв., а на примере "Казанской истории" и литературы Московского царства Н.В.Трофимовой (См.: Кусков В.В. Исторические аналогии событий и героев в "Слове о полку Игореве"// "Слово о полку Игореве". Комплексные исследования. М., 1988. С. 62—79; Он же. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 39—51; Трофиомва Н.В. Поэтика повести второй половины XVI

века "История о царстве Казанском": Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984).

[46] И.А.Кочетков отмечает: "Кроме замкнутости, время в житии характеризуется однонаправленностью и неравномерностью своего протекания. Время течет от рождения к смерти, вернее, от предзнаменований святости к бессмертию, от вечности до вечности. В современном биографическом жанре возможно возвращение времени вспять, когда нужно объяснить поведение или черты характера героя, коренящиеся в прошлом. В житии нет необходимости в таком обращении к прошлому, ибо характер объясняется не предшествующей жизнью, а божественной волей" (Кочетков И.А. Указ. соч. С. 231).

[47] Динамика развития древнерусской воинской повести детально и на большом фактическом материале, охватывающем семь веков русской средневековой словесности, рассмотрена Н.В.Трофимовой в новом исследовании (Трофимова Н.В. Древнерусская воинская повесть. Проблемы поэтики и эволюции. (В печати).

[48] Лихачев Д.С. Историческая поэтика древнерусской литературы. С. 73–75.

[49] "Большая челобитная" встречается то в начале сборника Полной редакции, то занимает промежуточное положение между первой и второй частями "Повести о Царьграде", то выступает в качестве заключения.

По мнению А.А.Зимина, "Большая челобитная" "находилась, очевидно, в особой "книжке", поэтому ее место в Пересветовском сборнике неопределенно" (Зимин А.А. И.С. Пересветов и его сочинения // Сочинения И.Пересветова. С. 15–16). В то же время исследователь отмечает, что "Большая челобитная является позднейшей попыткой обработать и сюжет о падении Царьграда, и "предсказания" философов <...> подводит итог всей его [Пересветова. — А.К.] публицистической деятельности" (Там же. С. 17).

Нами, на основе установленных внутренних смысловых связей и соотношений отдельных "сквозных" тем сборника, высказано предположение о том, что "Большая челобитная" как самый поздний текст должна занимать место заключения, итоговой части (об этом подробнее см.: "Иерархия" героев и композиция: их взаимообусловленность).

[50] Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 67–70.

[51] Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 283.

[52] Мелихов М.В. Повесть Нестора Искандера и исторические источники о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 90.

[53] Там же. С. 92.

[54] ПЛДР. Втор. пол. XV в. С. 222, 236, 242, 264. См.: И.С.Пересветов и его современники. С. 258.

[55] Зимин А.А. Там же. С. 258.

[56] Легендарный диалог патриарха и султана распространялся, судя по всему, под непосредственным влиянием книжников, принадлежавших к литературной традиции Максима Грека. Афонский монах в оценке событий 1453 г. придерживался в некоторых случаях сходных с Пересветовым взглядов. Так, например, как и Пересветов, Максим Грек считал, что одной из важнейших нравственных причин падения столицы Византии было корыстолюбе (Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 212). Диалог патриарха и султана мог быть также одним из легендарных источников А.М.Курбского,

который особо интересовался историософскими сочинениями, в том числе и толкованиями на события 1453 г. (см.: Лурье Я.С. Комментарии. С. 279–280).

[57] О формировании вымысла в русской литературе XVII в. и "псевдоисторических" героях в беллетристике допетровского времени см.: Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск. 1994. С. 12–96.

[58] Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 73.

[59] Эта гипотеза не является оригинальной. См.: Полосин И.И. О челобитных Пересветова // Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В.И.Ленина. М., 1946. Т. XXXV. Вып. 2. С. 25–55.

[60] Альшиц Д.Н. Указ. соч. С. 81.

[61] Тихомиров М.Н. Страница из жизни Ивана Пересветова // Указ. соч. С. 71.

[62] Каравашкин А.В. Мифы Московской Руси // Россия XXI. № 1. 1999. С. 135–153.

[63] Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 132.